Наяль Давье. Ученик древнего стража

Автор:
Владимир Зещинский

Наяль Давье. Ученик древнего стража

Владимир Зещинский

Наяль Давье #4Попаданец (АСТ)

Выполнив задачу, поставленную Разумом, Наяль закономерно становится лишним в мире. Его попросту вычеркивают из памяти живых и выталкивают на грань. Но Наяль не погибает, а попадает в другой мир. Вскоре он понимает, что магия больше не подчиняется его желанию. Благо, потеряв одни способности, он приобретает другие. Вот только их нужно развить, желательно под присмотром учителя. Вскоре желающий помочь находится, но учить он согласен только в обмен на свободу. Свою свободу. Теперь Наялю предстоит не только овладеть новыми способностями, но еще отыскать своего наставника, а после освободить его. Мелочи, не так ли?

Владимир Зещинский

Ученик древнего стража

© Владимир Зещинский, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Шаман Вонгрок блаженно зажмурился, потягивая отвар. Растение, из которого его варили, росло только в одном месте – на равнине ушедших предков. Срывать его простым вонам запрещалось, ведь мясистые листья были крайне ядовитыми. Только шаманам растение никак не вредило, наоборот, помогало. На самом деле, во всем этом был небольшой секрет, но передавался он только от шамана к ученику, и никак иначе.

Много зим назад, когда он был всего лишь никому не известным, самым обыкновенным голопятым вонином, ему посчастливилось попробовать отвар из этого растения. Он навсегда запомнил ощущения, которые тот дарует, и поклялся, что однажды станет шаманом и будет беспрепятственно пить отвар хоть каждый день.

Зима сменялась зимой много раз, Вонгрок всё-таки смог стать сначала учеником шамана, а потом, убив своего учителя, занять его место. С тех пор тело его изменилось, став хилым и морщинистым. Но Вонгрока это мало волновало. Он добился своего, теперь кровь предков была в полном его распоряжении, и он мог хоть каждый день наслаждаться вожделенным напитком. Что, собственно, и делал.

Когда последние капли были допиты, Вонгрок с сожалением поглядел в глиняную миску и отставил её в сторону, продолжая любоваться алым закатом. Он давно пытался понять: почему, когда золотой круг касается земли, то цвет его меняется, становясь красным.

В одурманенной голове Вонгрока красный цвет ассоциировался с кровью. Его мысли, ухватившись за образ, потекли дальше. Вот он совсем молодой, сжимает копье и стоит над только что убитым рогатым. Сердце Вонгрока колотится, дыхание чуть сбито, рука подрагивает. Подходит отец, хлопает его по лысой голове и скалит зубы, выражая тем самым свое одобрение. Вонгрок безумно горд собой, поэтому тоже скалится, подавляя в груди радостный вопль. Отец протягивает ему острый нож и кивает в сторону шеи убитого животного. Вонгрок сразу все понимает, птицей подлетает, падает на колени и режет ножом еще теплую кожу. Из пореза тут же начинает сочиться кровь, и Вонгрок приникает к ране губами, блаженно прикрывая глаза. Он стал взрослым, он больше не голопятый вонин!

Тряхнув головой, шаман выныривает из своих воспоминаний и снова устремляет взгляд на закат. Ему кажется, что еще немного и он поймет, разгадает, отчего золотой круг, встречаясь с землей, окрашивается кровью, но в этот момент сзади слышатся осторожные шаги, и Вонгрок весь напрягается.

Подобравшись, он встает и поворачивается, тут же замирая. Он не знает этого вона. Да и выглядит тот слишком необычно. В их племени у всех черные волосы, темная, красноватая кожа, чуть приплюснутые носы, толстые губы и небольшого размера глаза. Этот же человек являлся полной противоположностью любому вону. Вонгрок даже не может точно сказать, что именно его поразило. Слишком высокий для человека рост, светлые волосы или бледная кожа. Человек смотрел на него, и Вонгрок с удивлением понимал, что глаза у его гостя имеют такой же цвет, как небо в жаркий день.

Если бы Вонгрок был вонином, то обязательно бы решился подойти ближе, потрогать волосы, чтобы попытаться понять: как так вышло, что они такого же цвета, как желтый круг на небе. Хотя, скорее всего, он бы с криком убежал. Но шаману давно уже перевалило за пятьдесят зим, поэтому он даже не думал совершать глупости. Правда, удерживать себя на месте удавалось только неведомой для него силой.

Чуть наклонившись, он перехватил удобнее копье и приподнял его. Остро наточенный наконечник указал точно в широкую грудь незнакомца, скрытую странными одеждами.

– Кто ты? – спросил шаман, с неудовольствием понимая, что от неожиданности весь эффект от отвара крови предков прошел. По крайней мере, ему так показалось. Реальность привычно придавила на плечи и больно вгрызлась в бок.

– Это не так важно, – отозвался неизвестный, и Вонгрок чуть отшатнулся.

Почему-то ему до конца не верилось, что человек настоящий. Он даже подумал, что золотой небесный круг решил принять людское воплощение и сойти с небес, чтобы показать себя. Вонгроку нестерпимо захотелось оглянуться, чтобы убедиться, что круг, облитый сейчас вечерней кровью, до сих пор слегка касается земли где-то там, далеко. Так далеко, что его племя никогда не могло до него дойти.

Хотя нечистый Кудрукас как-то утверждал, что его люди добирались до круга, даже касались его. В подтверждение своих слов он показывал желтый камень размером с кулак. При этом бил себя в грудь и говорил, что его воны лично откололи этот кусок от круга. Вонгрок показательно не верил ему, не желая допускать того, чтобы его воны считали Кудрукаса более умным или умелым. Хотя в душе завидовал удачливому соседу.

После того, как несколько вонов огласили ему свое решение перебраться в племя к Кудрукасу, Вонгрок решил, что пора что-то с этим делать. На следующее лето во время большого праздника почитания ушедших предков Вонгрок подлил в отвар Кудрукасу сонную траву, а ночью пробрался к нему и задушил его широкой полоской кожи. Вонгрок не мог допустить, чтобы кто-то был умнее или удачливее его. А предателей перебежчиков он отправил на дальние угодья без поддержки, где они и сгинули навсегда. Прощать столь неверных вонов шаман не собирался.

Пока Вонгрок вспоминал старые времена (видимо, отвар всё-таки не до конца отпустил его), человек достал словно из воздуха что-то непонятное и раскрыл. Шаман снова вздрогнул, смотря на происходящее большими глазами. Переведя взгляд с предмета на светлое лицо неизвестного, Вонгрок сделал шаг назад и все-таки обернулся. Круга не было!

Вскрикнув, шаман рухнул на колени и склонил голову, уверовав, что перед ним воплощение небесного светила. Теперь он понял, теперь он всё понял. Днем – светящийся круг. А ночью, ударившись о землю и излившись кровью – человек! Куда там какому-то проходимцу Кудрукасу до него, великого Вонгрока! После сегодняшней встречи все племена склонятся перед ним. Ему просто нужно хоть что-то, чтобы он смог доказать, что ночное воплощение светила было здесь, говорило с ним. И вот тогда, тогда…

Что именно «тогда», додумать он не успел, слыша тихие приближающиеся шаги. Вонгрок зажмурился и затрясся. Как бы ни хотелось ему славы и признания, он всё равно боялся, ведь он не знал, что понадобилось светилу от него. Шаман не любил чего-то не понимать.

– Встать, – сказало светило, и Вонгрок буквально подскочил на ноги. – Да не трясись ты так, – светило хмыкнуло и снова показало зубы. Вонгрок уставился на них, некстати подумав, что такая белизна бывает только у совсем маленьких вонинов. – Это книга, – пояснило светило, заметив, как Вонгрок, немного отойдя

от посетившего его потрясения, с любопытством тянет шею.

– Книга? – криво переспросил Вонгрок и вжал голову в плечи, боясь гнева светила.

– Верно, – вместо того чтобы разозлиться, светило оторвало одну часть из этой «книга» и протянуло ему. – Возьми.

Часть моментально изменилась, став золотистой, а еще на его поверхности вспыхнули какие-то черные рисунки, заставив Вонгрока жалобно заскулить от страха.

– Не бойся, – спокойно попросило светило.

Трясущимися от страха руками Вонгрок принял предмет, с каждой секундой ожидая, что его руки сгорят в жарком пламени. Но ничего страшного не произошло, отчего он выдохнул, уже более внимательно оглядывая предмет. Вот оно! Это его шанс доказать всем, что встреча со светилом была.

– Это лист, – пояснило светило. – Твое племя должно охранять его вечно. Спрячьте его так, чтобы никто не мог отыскать, и храните. Ты понял?

Вонгрок быстро закивал, со всем почтением держа «лист». Вот, значит, какая она на самом деле, часть светила. Не какой-то там желтый камень, а «лист» с черными рисунками! Кудрукас – подлый лжец! Ничего, предки, отправившиеся по ту сторону разлома, покажут ему, что значит врать своим вонам.

– Вот и отлично, – светило снова оскалило зубы и, превратившись в черную птицу, громко каркнуло и взмыло в небо.

Вонгрок как стоял, так и сел. Подняв голову, он уставился в темнеющее небо, наконец, поняв, отчего так происходит. Дневное светило, ударившись о землю, становится на короткий миг человеком, который потом превращается в черную птицу. Птица та, взмыв в небеса, раскрывает крылья, закрывая ими все небо. Это ведь так просто!

Его взгляд упал на поднимающуюся из-за горизонта луну.

«Тогда что это?» – подумал он, а потом поднялся, прижимая лист к груди, и пошел в сторону своего шалаша. Ему нужно было выпить крови предков. Шаман давно заметил, что так думается намного легче.

Боясь отпустить лист, он налил себе немного крови и залпом выпил, ощущая привычное изменение в теле. Оскалив зубы, он снова уставился на луну. Ну конечно! Как он не понял сразу? Светило не просто так закрывает крыльями небо, оно делает это ради своего брата, который не может гулять под столь ярким небом.

Вонгрок задумался. И как же их теперь называть? Им надо дать имена, старые совсем не годятся. По мнению Вонгрока, это было крайне важным. И ему казалось, что именно ему дарована честь дать имена чему-то столь могущественному. Зажмурившись от удовольствия, Вонгрок представил, какими глазами завтра все воны будут смотреть на него. Как они станут его почитать, превозносить. Да, да, он достоин этого, несомненно!

А лист он спрячет, как же иначе? Сделает все в лучшем виде. Он знает одну скалу в неделе пути отсюда, там есть вход под землю. Воны всегда боялись спускаться туда, но не Вонгрок. Он был там однажды и сейчас первым делом подумал, что именно там можно спрятать лист. Воны туда не ходят, а значит, никто даже не подумает, что там может быть что-то спрятано. И вообще, завтра надо будет организовать праздник. И назвать его днем снисхождения. Или днем появления? Об этом надо подумать.

Вонгрок потянулся к глиняному сосуду с кровью предков и плеснул себе еще. Думать надо под отвар, никак иначе. Эх, столько нужно всего обдумать, а напитка почти не осталось. Ну ничего, завтра он себе еще наварит. Имеет полное право. Он ведь шаман, сам Вонгрок, а не какой-то там неудачник Кудрукас. Предки будут встречать его с радостью, а потомки помнить имя Вонгрок еще многие-многие зимы.

Впрочем, уходить к предкам шаман пока не собирался. Рано. Еще глоток, и можно будет все обдумать. Времени до того, как из-за горизонта появится светило, много. Успеет все обдумать. И не раз.

Глава 1

Погружение в новый мир напоминало падение в абсолютной темноте. Когда я только рухнул вниз, то сердце, которого, по идее, у меня теперь не было, подпрыгнуло до самого горла. Я рефлекторно махнул руками раз, другой, потом попытался обратиться к магии, но ничего не вышло.

Не успел я придумать еще хоть что-то, как падение резко прекратилось, и сразу после этого передо мной появилась точка света. С каждой секундой она увеличивалась, и я отчетливо видел по ту сторону лес. Я с любопытством рассматривал деревья, траву, кустарники, дожидаясь, пока проход увеличится достаточно, чтобы я смог спокойно пройти через него. Ждать пришлось недолго – и вот я уже шагнул в новый, незнакомый для меня мир.

Проход позади мгновенно, без всяких звуковых эффектов закрылся, но я все равно отчетливо ощутил это. Оглянувшись, мысленно пожал плечами. Здесь всё равно намного лучше, чем в кромешной темноте.

Лес вокруг был вполне обычный. Цвета и запахи привычные. Воздух кристально-чистый. И судя по мальчишке, который сейчас с ужасом и неприкрытым любопытством смотрел на меня, люди в этом мире живут.

Накатило дикое ощущение победы. Бывает иногда такое состояние, когда хочется по-детски подпрыгнуть, вскинуть кулак вверх и прокричать что-то вроде: «Да! Я смог! Я сделал это!»

Задавив в себе подобные порывы, стер с лица улыбку и осмотрел себя. При этом я заметил, что плащ на мне отчего-то белый. Непорядок, белый – крайне маркий и заметный цвет. Нужно поменять на черный. Удивительно, но мимолетное желание спустя несколько мгновений исполнилось – ткань плаща начала окрашиваться в нужный мне цвет.

Решив подумать об этом немного позже (когда лишних глаз рядом не будет), я накинул капюшон на голову и крутнулся, вроде как выбирая направление, а потом пошел в противоположную от прячущегося ребенка сторону.

В дальнейшем свое невнимание я списал на дезориентацию после перехода. Просто другой причины того, почему я шёл по лесу столь беспечно, у меня не было. Что-то словно гнало меня от места, где я впервые вступил в этот мир.

Наверное, мне нужно было остановиться, подумать, исследовать свое новое тело, возможности, но в тот момент я не думал об этом. Я не скажу, что запаниковал, просто все произошло быстро и, видимо, не слишком гладко для моей психики. Всё-таки не каждый день умираешь, видя собственное тело, а потом бродишь по какому-то космическому многограннику. Уже это должно напрячь.

Как итог – я буквально вылетел из кустов прямо в руки каким-то людям. Поначалу те даже растерялись от подобного, но вскоре пришли в себя, чего нельзя сказать обо мне. Я стоял и размышлял, что делать, до тех пор, пока мне не скрутили руки, тщательным образом связав их. После этого толкнули так, что я не удержался на ногах и свалился на землю.

Один из мужчин склонился надо мной и что-то спросил. Вот только я ничего не понял – не знал такого языка. Попытался рефлекторно потянуться к нему нитями, чтобы считать все прямо из головы, но, к своему удивлению, ничего не вышло. Нет, что-то шевельнулось, но никакого результата я не добился.

Естественно, человеку не слишком понравилось мое молчание, за что мне тут же прилетело по лицу. Боль показалась крайне странной. Было полное ощущение, что у меня заболело все и сразу, начиная от пальцев на ногах, заканчивая волосами. Глубоко вздохнув, тряхнул головой, пытаясь справиться со своим непонятным состоянием.

Мужчина снова что-то прорычал, зло и как-то даже испуганно глядя на меня.

– Не понимаю я, – сказал, пытаясь сесть удобнее. – Не подскажете, где здесь библиотека?

Я уверен, что мужчина тоже меня не понимал, но это не помешало ему еще раз зарядить мне, на этот раз попал по уху. И снова боль отозвалась во всем теле. Очень странно. Это не могло меня не заинтересовать. Скривившись, рухнул на землю, не сумев удержать равновесия.

После этого меня тщательным образом обшарили, а после пнули в бок и оставили в покое. Правда, далеко никто отходить не стал, поглядывали время от времени, словно проверяя – не собираюсь ли сбежать.

Когда очередная волна боли схлынула, я повернулся на бок, чтобы рукам было удобнее, и принялся осматривать вторых встреченных мною в этом мире людей. Первым был мальчишка, наблюдавший за моим прибытием.

Судя по одежде – уровень развития здесь не слишком отличается от моего прошлого мира. Это разочаровывало, ведь это означало, что ничего нового и интересного я здесь не найду. Хотя, может быть, это конкретно эти люди зачем-то одеваются, словно только что вышли из средневековья, а весь остальной мир вполне себе другой. Верилось с трудом. Впрочем, мало ли, вдруг я попал в какую-нибудь отсталую часть света. Да и кто знает, может, у них тут маги могущественные есть или другие интересности.

В любом случае, для того чтобы узнать все самому, нужно для начала постараться выжить. Моя сила не откликнулась на мой зов, да и боль ощущается почему-то весьма странно. А ведь меня просто ударили пару раз. Мало ли, вдруг теперь меня можно спокойно убить, как и любого другого ничем не защищенного человека.

Эта мысль несколько отрезвила. О чем я думаю? Видимо, переход дался мне сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Оторвав взгляд от костра, вокруг которого собрались люди непонятного рода деятельности (то ли воины, то ли просто разбойники), прикрыл глаза, решив, что самое время разобраться во всем происходящем. Начиная со «смерти», заканчивая путешествием по многограннику и внутренним мирам.

Итак, вспоминаем по порядку.

Я пришел закрыть последний прокол. Впитал в себя энергию, и мое физическое тело отделилось от души. Или наоборот? Не думаю, что сейчас это важно. В итоге увидел свое тело, лежащее на снегу. Но даже не это было самым страшным. Вот когда оно начало распадаться на части, стало жутковато.

После этого я ощутил, как Разум стирает из мира все воспоминания обо мне. Тогда показалось, что это именно я почувствовал, но сейчас мне кажется, что Разум сам рассказал мне об этом. Зачем? Может быть, для того, чтобы я не стремился обратно? Приму за вариант.

Свою досаду постарался задавить. Да, неприятно, что все мои труды будут присвоены кем-то другим. Скажу прямо, чувство прескверное. Успокаивал себя только тем, что воспоминания остались при мне, да и опыт тоже. Возможно, когда-нибудь узнаю, почему Разум поступил именно так. Правда, надежды на это особо не было. Ну да ладно, что было, то прошло. Главное сейчас – выжить.

Вспоминаем дальше.

Мое тело рассыпалось на сверкающую голубую крошку, которая потом каким-то образом впиталась в мою… душу? Зачем? Ответа у меня нет. Почему именно голубую? Я бы еще понял, что на красную – кровь все-таки. Может, это из-за растворенного во мне камня силестина?

Помню, перед тем, как оказался на грани, видел свою руку, и она напоминала прозрачный силестин. Но уже потом мое тело выглядело совершенно нормально. С этим обязательно надо будет разобраться.

Многогранник. Я не ожидал увидеть нечто подобное. Раньше, когда пытался воссоздать межмировой портал, то у меня была мысль, что миры расположены параллельно друг другу. А между ними эфир – прослойка, заполненная своеобразной энергией. Этакий многослойный пирог, возможно, даже бесконечный.

И вот, когда меня выбросило из мира, как мне казалось, в эфир, то я увидел космос и дрейфующий в нем многогранник. Моя теория была неверна? Или подобная модель – всего лишь игра моего разума? Если я еще раз попаду в эфир, увижу ли снова многогранник или воображение нарисует что-то иное? Даже не знаю, хочу ли знать ответ на эти вопросы.

Насколько помню, граней было просто громадное количество. Почти все гладкие, глянцевые, отражающие холодный свет далеких звезд. Очень похоже на какой-нибудь отполированный черный камень. Подозреваю, что это результат моего воображения, вряд ли что-то подобное может существовать на самом

деле.

В тот момент состояние мое оставляло желать лучшего, но даже так я помню, что видел немного иные грани. Правда, они были в некотором отдалении, возможно, поэтому я до них не добрался. А отличались они цветом. Думаю, это не так уж и важно, ведь есть шанс, что я больше никогда не попаду туда.

Затем падение в темноте, проход и – здравствуй, новый мир! Очень гостеприимный мир, к слову.

Замечательно, мне удалось избежать смерти. Первый восторг по этому поводу давно прошел. В последнее время я часто прыгал по миру, каждый раз оказываясь в новых, нестандартных условиях. Видимо, у меня выработалась привычка. Вокруг не было чего-то необычного (например, красной травы или зеленого неба), поэтому сразу и не поймешь, что мир другой.

Всё-таки как бы я ни отрицал, но ожидание смерти в последнее время было столь давящим, что сейчас где-то глубоко внутри себя я до сих пор безумно рад, что выжил. Надолго ли?

После этих размышлений я сосредоточился и как-то слишком быстро провалился во внутренний мир. Ядро было, вот только стоило его увидеть, как я сразу понял, что к магии оно не имеет никакого отношения. Я хотел приблизиться, но потом передумал, настолько мне стало не по себе. Кажется, знание пришло ниоткуда, просто возникло в разуме, вспыхнуло яркой искрой, или же я просто вспомнил. Небольшой, белоснежный шар, даже на вид прочный и твердый, был нечем иным, как ядром моей души – бессмертной, неразрушимой субстанцией, созданной творцом.

Ядро было окружено густой, прозрачной энергией, похожей на желе. По верху этой желеобразной энергии время от времени пробегали электрические импульсы, вроде молний.

Пожелав вернуться в реальность, вынырнул, но при этом оказался в густом разноцветном тумане. Присмотрелся и заметил далеко впереди себя белое солнце. Его почти не было видно, но я знал, что все еще вижу ядро. Глубокий вдох и новый рывок. Открыл глаза и несколько раз моргнул, возвращая себе чувство реальности.

Итак, мой внутренний мир изменился. Вернее, изменения произошли со мной. Раньше я погружался в энергетическую составляющую своего тела и видел магическое ядро, но сейчас я словно погрузился, можно сказать, в самую сердцевину себя. Да уж, прямо до самого ядра души. Глубже уже попросту некуда.

Я ощущал себя вполне обычно, будто имел самое настоящее тело, но, думаю, не стоит себя обманывать – мое реальное, физическое тело рассыпалось голубой крошкой. Да, потом она облепила и даже вроде как впиталась в мою душу, но это ведь совсем другое.

Мне бы как-нибудь проверить, только вот вряд ли аборигены захотят меня развязывать, чтобы я смог провести парочку небольших и безобидных экспериментов.

Пошевелившись, с некоторым удивлением понял, что боли нет. Никакой, ни обычной, ни странной. Если простого человека, незащищенного магией, ударить в лицо, то оно у него будет болеть некоторое время. Даже простой синяк заживает неделями.

Чуть оглядевшись, я все-таки решился на проверку своих подозрений, так как мне нужны были доказательства. На земле около меня лежала небольшая ветка с сучком. Немного повозившись, прижал ее удобнее плечом, а потом осторожно проехался по ней щекой. Как и в прошлый раз, боль вспыхнула одновременно по всему телу. На короткий миг я даже дыхание задержал, настолько она была острой, но в следующий момент боль испарилась, словно ничего и не было.

Сомнения всё-таки остались, но, как мне кажется, мои предположения верны.

Что такое человек? Это в первую очередь душа, скажем так, облаченная в физическое тело. Для чего это нужно? Подозреваю, только для того, чтобы человек (равно душа) мог контактировать с материальным миром. Но свое физическое тело я оставил в прошлом мире, а нового мне вроде как никто не давал. Не думаю, что его возможно вот так просто сотворить из воздуха из ничего.

Итак, я – душа, способная взаимодействовать с обычным миром без помощи физического тела, поддерживая при этом определенную форму. Еще не стоит забывать, что я некоторое время назад слился с иной формой жизни – арканой. Теперь назвать меня просто обычной человеческой душой нельзя. Именно поэтому, когда погрузился во внутренний мир, то попал к своему центру, к бессмертному ядру. Все правильно, теперь иного внутреннего мира у меня и нет.

Если вспомнить, раньше, после слияния с арканой, я видел свою душу, которая выступала за пределы физического тела, образуя собой человеческий облик.

Кстати, что еще интересно – моя духовная сущность была похожа именно на Наяля Давье. Тогда я не придал этому значения, а сейчас вот вспомнил. Почему я выбрал именно такой облик? Потому ли, что стал ассоциировать себя именно с Наялем, или была иная причина? Подозреваю, что дело всё-таки именно в ассоциации. Всё же к тому моменту я осознавал себя именно, как Наяль Давье, пусть и переставшим быть полностью человеком.

Вот только люди души просто так не видят, а тот мальчишка на поляне, спрятавшийся в корнях дерева, судя по глазам, отчетливо меня видел. Да и эти аборигены не только видели меня, но и еще попинали немного, связав руки. Сомнений в том, что для них я вполне себе материален, нет никаких.

Как такое возможно? Мое прошлое тело рассыпалось, а потом эта крошка впиталась и облепила меня. Видимо, нынешнее физическое тело как раз и состоит из этой крошки. И благодаря этому я выгляжу как обычный человек, которого видят все остальные. Поэтому и боль была такой странной, ведь я поранил не просто щеку (часть физического тела), а душу.

Открыв глаза, снова обратил свое внимание на людей. Пересчитал – всего пятнадцать человек. Возраст разный, но слишком молодых или старых нет. Простыми бродягами они точно не выглядели, правда, и на воинов не походили.

Время от времени на меня посматривали, но особого любопытства во взглядах я не заметил. Создавалось полное впечатление, что ничего необычного они во мне не видят. Это заинтересовывало.

Сам я помнил, что одет был в плащ, а значит, моя одежда кардинальным образом отличалась от того, в чем ходили они, но снять с меня плащ никто даже

не подумал. Поглядев на их сапоги, пошевелил ногами. Судя по ощущениям, я обут. Думаю, если бы это были разбойники, то у меня просто бы забрали вещи, а потом прикопали за соседним кустом, но они ничего из этого пока не сделали. Почему? Потому что не разбойники? Тогда зачем держать меня связанным?

Хм, я ведь говорю на другом языке. Может, они подумали, что я какой-нибудь вражеский шпион, которого необходимо в целости и сохранности доставить командиру, который и будет со мной разбираться? А что, вполне возможно. Правда, они все равно не похожи на воинов, состоящих у кого-то на службе.

Еще раз сосредоточившись, попытался потянуться к ним и прочесть мысли. Снова неудача. Такое ощущение, что я полностью лишился магии, вот только отчего-то я был уверен, что это не так. Всё-таки потеря тела, переход, другой мир – я просто не мог остаться прежним со старыми способностями, но это не означало, что я так просто сдамся.

Я пытался снова и снова до самой ночи. К сожалению, каких-либо успехов это не принесло. Правда, однажды был короткий миг, когда мне показалось, что я что-то увидел. Немного подумав, решил слишком не радоваться. Вполне возможно, что это либо мое воображение, решившее выдать то, что мне так хотелось, либо некое подзабытое воспоминание. Тем более ничего такого в той картинке не было. Просто кусок леса, костер и кипящий котелок.

Меня по-прежнему не трогали, не кормили, воды не давали. Даже в туалет не водили. Ничего из этого я не хотел. И если первое вполне оправдано, кому понравится, когда их бьют, то вот все остальное заставляло задуматься.

К ночи я впал в странное оцепенение. И не спал, и не бодрствовал, а находился в каком-то пограничном состоянии. Я слышал, как тихо переговариваются дежурившие, как возятся мелкие животные поблизости, как ухает птица вдалеке, но при этом не мог пошевелиться.

Это не походило на привычную медитацию. Нечто подобное я испытывал когда-то давно в бытность свою Семеном – сонный паралич. В прошлый раз, когда ощутил это, то постарался как можно скорее проснуться и скинуть паралич. А сейчас решил расслабиться и обратить все свое внимание на происходящее со мной. Более всего меня заинтересовало то, каким объемным и необычным казался мир, когда я находился в таком состоянии.

В один момент мне даже показалось, что сквозь закрытые веки проступают различные туманные контуры. Не успел я присмотреться, как все закончилось. Разочарованно открыв глаза, я понял, что наступило утро. Это вызвало во мне удивление, ведь по моим ощущениям прошло не больше нескольких минут.

В следующий момент мне в бок прилетел пинок. Мужчина, стоящий рядом, что-то сказал, а потом наклонился и схватил меня за плечо, дергая вверх. Я понял, что от меня требуют, поэтому постарался встать на ноги. Получилось вполне сносно, несмотря на то что по телу все еще гулял отголосок боли. Впрочем, он быстро растворился, не оставив ни следа.

Огляделся. Аборигены собирались. Меня никто больше не трогал, правда, и руки не спешили развязывать. Опустив взгляд вниз, неожиданно задумался о своей одежде. Если я всего лишь душа, то откуда на мне одежда? Хотя, еще в прошлой жизни, когда мы с арканой слились, моя сущность принимала облик уже одетый в нечто подобное. Не значит ли это, что тот же плащ – часть моей души? А если это так, то что будет, если я сниму его? Возможно ли его вообще снять? К моему сожалению, пока узнать все это не представлялось возможным.

Минут через пять один из людей подошел ко мне и, указав нужную сторону, подпихнул в спину. Я снова не стал сопротивляться, пошагав, куда указали. Нет, я мог бы взбрыкнуть, но толку от этого? Защитить пока я себя никак не мог, способности то ли заблокированы, то ли и вовсе пропали, а получать тумаки желания нет никакого. Тем более боль от них не слишком приятная.

Да и кто знает, вдруг этим людям сопротивляющегося пленника будет легче убить, чем тащить против воли. Так что идем спокойно, пытаемся сделать и понять хоть что-то. Хотя это не значит, что я не пытался ослабить как-нибудь веревки, но пока они не поддались. От постоянного трения по телу то и дело прокатывались не слишком приятные ощущения, но я терпеливо крутил руками, не обращая на это никакого внимания.

Всё-таки привык я к своим способностям. Так, что сейчас ощущал себя крайне неприятно. Я не мог защитить себя, не мог прочесть мысли, не мог сплести заклинание, не мог вылечиться в случае чего, не мог просто уйти с помощью портала. Я даже не понимал их язык!

Пока мы шли, я занимался сразу несколькими делами. Пытался расшатать веревки, осматривался по сторонам и время от времени старался пробудить свою силу.

С первым и третьим никаких успехов пока не было, но я не отчаивался. А вот второе очень быстро надоело. Мир вокруг казался вполне себе обычным. Как я уже говорил, никакого зеленого неба, оранжевой травы или кислотно-розовых деревьев. Самый обыкновенный лес, хотя и слегка мрачноватый. С каждым пройденным километром встречалось всё больше старых деревьев. Толстых таких, с торчащими из земли горбатыми корнями, под которыми порой виднелись чьи-то норы. Большинство таких корней были покрыты темно-зеленым мхом, как и стволы некоторых деревьев. Кроны кое-где сплетались между собой, создавая своеобразную крышу из листвы, из-за чего внизу образовывалась прохладная тень. В таких местах росло мало травы, поверхность покрывали мох и сгнившие листья, отчего казалось, что идешь по мягкому и пружинистому матрацу.

Я не забывал следить за аборигенами. Очень быстро определил лидера отряда. Высокий, крепкий, с резкими чертами лица и крайне крутым характером, мужчина был лыс, бородат и усат. Он все время держал руку на рукояти меча, отчего создавалось впечатление, что он готов в любой момент его выхватить и снести голову любому желающему.

Некоторое время я размышлял над тем, чтобы попробовать убежать, но всё-таки отказался от этой идеи. Не факт, что со связанными руками у меня получится уйти далеко. Стоит мне всего лишь раз запнуться и упасть, как тут же догонят. И кто знает, насколько злы будут аборигены. Это сейчас они отчего-то не рвутся убивать меня, но ведь могут и передумать.

Остановились мы только ближе к вечеру. Меня толкнули к одному из торчащих из земли корней и на время оставили в покое. Я наблюдал, как люди привычно устраивают себе место для ночлега. Видно было, что подобное им не впервой.

Когда от котелка над костром поплыл весьма приятный запах, между людьми разгорелся небольшой спор. Я не понимал, о чем они говорят, и не мог прочесть мыслей, но всё равно сразу понял, что речь обо мне.

Через пару минут спор закончился. Неудивительно, учитывая, как мрачно смотрел главарь на своего оппонента. Казалось, еще немного и у того голова с плеч полетит.

Приподняв губу, словно желая зарычать, тот, кто спорил с главарем, сплюнул на землю, а потом быстро подошел ко мне и рукой показал, что мне надо встать. При этом он настолько злобно на меня смотрел, будто я у него всех близких убил, а потом еще и съел.

Мужчина приблизился, состроил брезгливое выражение лица и повел носом, словно принюхиваясь. Я нахмурился. Это что за ерунда такая? У мужчины между тем вся злобность медленно сползла с лица. Он слегка удивленно глянул на меня, и ему явно что-то не понравилось – я успел лишь немного уклониться, чтобы удар не пришелся по носу. Кое-как устояв на ногах, я сжал зубы, пережидая пульсирующую боль по всему телу.

Абориген же что-то там пролаял. Кое-как подавив в себе желание, чтобы этот упырь подавился своими зубами, я дождался, пока боль пройдет, и мрачно посмотрел на него.

– Чего тебе надо? – спросил, переводя взгляд с него на главаря, который с интересом наблюдал за происходящим.

Мужчина снова что-то сказал, отчего толпа сзади покатилась со смеху. В который раз ощутил, как мне сейчас не хватает моей способности считывать мысли. Уверен, если бы я до сих мог это, то таких проблем не возникло бы.

Пока я размышлял, абориген отсмеялся, а потом кивнул мне куда-то в район паха. Я нахмурился еще сильнее, напрягаясь. Чего ему от меня надо?

Поняв, что все его взгляды бесполезны, мужчина схватил меня за плечо и подтолкнул в сторону ближайших кустов. Я напрягся еще сильнее, но уже совсем скоро понял, что он от меня хотел. Мне предлагали сходить в туалет.

Я с сомнением поглядел на человека, потом повернулся, немного пошевелив руками, давая этим понять, что со связанными руками у меня вряд ли что-то получится. Мой провожатый резко что-то сказал, брезгливо окинул меня взглядом, а потом всё-таки развязал руки, почти сразу приставив мне к горлу

нож.

Несколько секунд я размышлял, как бы половчее перехватить его руку, чтобы сбежать, но когда лезвие ножа порезало кожу на шее, меня едва не скрутило от острой боли, иглами впившейся во все тело.

– Понял, понял, – прохрипел я, смаргивая черноту перед глазами. Рвано выдохнув, сосредоточился на том, что мне предлагали сделать.

Я по-прежнему не испытывал желания поесть или сходить в туалет, но мне совершенно не хотелось стоять так до тех пор, пока упырю не надоест. А ему, судя по злобному лаянью над моим ухом, явно уже начало надоедать. Удивительно, но у меня получилось. Я, правда, не представляю, что это было. То ли иллюзия, то ли мое теперешнее тело каким-то образом смогло воспроизвести жидкость по моему желанию.

Когда я закончил, то упырь вопросительно глянул, но я в ответ только покачал головой. Тот на это лишь пожал плечами, связал мне снова руки и толкнул в спину так, что я едва не упал. Вернувшись в лагерь, я прошел к своему корню, на котором до этого сидел, и снова устроился с удобствами.

Через некоторое время упырь притащил мне миску с пустой похлебкой. Я вскинул брови, не двигаясь с места. Как по мне, то и дураку должно быть понятно, что со связанными руками я не смогу есть. Упырь хотел просто поставить миску рядом со мной, явно не желая ничего больше делать, но его намерения разбились о грозный окрик главаря. С ненавистью взглянув на меня, упырь развязал руки и встал так, чтобы дать мне понять: о побеге лучше забыть.

С некоторым сомнением я взял миску в руки и попробовал немного отпить. Меня напрягало то, что я должен влить в себя нечто материальное. Я понимаю, что все вокруг состоит из энергии, но даже так могло случиться все что угодно.

Подождав пару секунд, допил похлебку и отдал миску. Руки мне снова завязали, но я толком не обратил на это внимание, прислушиваясь к себе. При этом я даже пару раз на землю поглядел, опасаясь, что все выпитое мною попросту пройдет сквозь, но нет, жидкость каким-то странным образом задержалась где-то внутри моего тела.

Ничего необычного я не ощущал. Ни тяжести, ни тошноты, ни желания немедленно выплевать всё обратно, ни каких-либо иных признаков того, что мое нынешнее тело стремится любым иным способом сказать мне о недопустимости вливания в него жидкостей.

Вечером даже погрузился внутрь себя, но ничего странного не увидел, так что оставил это, подумав, что в любом случае рано или поздно всё узнаю.

Своих попыток обратиться к магии я не оставлял, каждую минуту пытаясь прикоснуться к чужим разумам. Кроме этого, я что есть силы напрягал зрение, стараясь уловить хотя бы тень нитей, но всё тщетно. Было такое ощущение, словно магия полностью покинула меня. Это несколько удручало, но я не собирался так просто останавливаться.

Ночь снова прошла в пограничном состоянии. Несколько часов пролетели как один миг. Я снова вроде как видел дымчатые силуэты. С утра постарался понять: что это такое. По всему вроде как выходило, что я вижу окружающие меня предметы, просто слишком расплывчато, словно у меня ночью не только максимально сильно ухудшается зрение, но еще и затормаживается мозговая активность. Такое бывает в самые первые мгновения, когда приходишь в себя после потери сознания.

Кормить слишком много меня явно никто не собирался. Будь я человеком, давно бы уже начал спотыкаться от потери сил. Вскоре стал замечать на себе любопытствующие взгляды. Людям явно становилось интересно, как это я еще могу передвигать ноги. Несколько раз у меня даже пытались что-то спрашивать, но я лишь качал головой, повторяя, что не понимаю их.

Спустя примерно неделю пути мы дошли до чего-то вроде деревни в лесу. Хотя назвать данный… хм, лесной лагерь полноценной деревней было крайне сложно, но иного определения я не подобрал. Наверное, всё-таки лучше всего сказать, что это было поселение. Да, думаю, так будет правильней.

Дома тут были, но они больше напоминали нечто среднее между лачугой и шалашами. Вместо дорог – тропинки. Никаких заборов или скотины. Лачуги были построены так, что издалека их и не заметишь.

Когда мы приблизились, то с ветки одного из деревьев спрыгнул парень, явно довольный возвращением отряда. Он что-то быстро принялся рассказывать главарю, тот поначалу внимательно слушал, а потом рыкнул и влепил рассказчику подзатыльник. Аборигены весело загоготали, а парень обиженно буркнул что-то и полез обратно на дерево. Правда, перед этим он с интересом взглянул на меня.

Вместо того чтобы остановиться в поселении, мы прошли чуть дальше – до небольшой поляны, на которой собралось еще с десяток людей. Все они чем-то были заняты: двое точили мечи, еще двое шутливо боролись, один что-то варил в большом котелке над костром, трое подбадривали дерущихся, а еще два человека мирно разговаривали чуть в стороне.

Я постарался отойти подальше, но почти сразу ощутил упирающийся в спину нож. Чуть повернувшись, наткнулся на оскал упыря. Качнув головой, сделал шаг вперед и замер, дожидаясь, что будет дальше.

Надеюсь, они не каннибалы? И почему эта мысль пришла ко мне только сейчас? Прищурился. Вроде не похожи.

Да и меня до сих пор волновало то, что меня не лишили одежды. Она явно была в разы лучше, чем то, что носили аборигены. Если бы меня кормили нормально, то я подумал бы, что за меня хотят у кого-то попросить выкуп. Но кормили скверно. Лично мне не мешало, но любой другой человек, как я уже сказал, давно бы оголодал. Может, на то и был расчет? Все-таки следить за ослабленным человеком проще, чем за тем, у кого полно сил.

На меня конечно же обращали внимание, то и дело кивали в мою сторону и что-то спрашивали у людей, которые привели меня. Иногда я видел нечто вроде тревоги во взглядах. Меня не боялись, нет, но что-то во всей ситуации со мной заставляло их опасаться. Впрочем, я и сам толком не мог понять, что означает их тревога.

Никакой лачуги мне не выделили. Вместо этого посадили рядом с костром и оставили в покое. Я так понимаю, подобное место выделили по той простой причине, что так за мной было легче наблюдать. Лачугу все-таки охранять надо было, к тому же я всегда мог разломать стену и сбежать.

Постоянное внимание меня мало волновало, так что я устроился удобнее и прикрыл глаза, решив сконцентрировать все свое внимание на том, чтобы прочесть сидящего неподалеку упыря. Его, кстати, судя по злобному взгляду и недовольной морде, приставили следить за мной постоянно.

Через какое-то время разочарованно вздохнул. Ничего. Полный ноль, будто и не было во мне никогда магии.

Вечером меня ждала очередная миска пустой похлебки, короткая прогулка в лес и своеобразный сон, занимавший теперь по моему восприятию несколько минут.

С утра я заметил, что людей стало меньше. Да и главарь пропал, хотя упырь остался. И это его явно весьма сильно расстраивало. О том, что он чем-то расстроен, упырь попытался донести, тыча мне в лицо горящей на одном конце палкой. Я опасливо на нее посмотрел, а потом поднял взгляд на упыря, мысленно обещая переломать ему все конечности, если он хотя бы случайно ткнет в меня палкой.

Не знаю, что такого увидел упырь в моих глазах, но он отшатнулся и едва заметно побледнел, отбрасывая палку в сторону так, словно она была змеей. Палка упала далеко от костра. Это заметил один из аборигенов, тут же указав упырю на это, явно сказав, чтобы тот не швырялся горящим хворостом. Упырь огрызнулся, словно желая сбросить напряжение с помощью старой доброй драки. Вскоре завязалась небольшая потасовка.

Вместо того, чтобы разнять дерущихся, люди собрались в круг и принялись выкрикивать различные подбадривания. Я встал, поглядев в сторону леса, даже немного повернулся, приподнимая ногу. В тот же момент меня дернули за капюшон плаща, отчего я едва не рухнул.

Повернув голову, увидел упыря. Тот оскалил окровавленный рот. Я оглянулся по сторонам, понимая, что все закончилось, не успев толком начаться. Видимо, упырь, как бы ни был раззадорен, все равно следил за мной. Заметив мой маневр, сразу остановил драку и поспешил пресечь намечающийся побег.

Пожав плечами, я сел обратно на пенек и натянул на лицо самое безобидное выражение. Аборигены хмуро посмотрели на меня – им явно не понравилось, что драка прервалась, – а потом начали медленно расходиться.

Спустя двое суток я попытался пообщаться без помощи языка – жестами. Парень, который встретил нас, вроде как проявил интерес, но почти сразу получил подзатыльник от упыря. Больше со мной никто разговаривать не спешил.

Вскоре вернулся главарь. Его возвращение бурно отпраздновали – жарили на костре кабана, распевали песни и что-то пили из кожаных фляг, явно хмельное.

Не сложно было заметить, что главарь вернулся не с пустыми руками. Похлебка, которую мне давали, стала немного гуще. Кроме этого, вдалеке я улавливал звуки, не соответствующие звукам леса – коровье мычание, козье блеяние.

Было интересно, откуда дровишки, но я понимал, что мне никто не скажет, а если и попытается, то я все равно не пойму. Думаю, тут одно из трех: либо украли, либо купили, либо им за какие-то заслуги отдали. После наблюдений за лагерем лично я склонялся к самому первому варианту.

Через день после возвращения главаря небольшой отряд снова покинул поселение. В этот раз взяли и меня. Полагаю, что вскоре я узнаю, почему мне сохранили жизнь и что они задумали.

Шли мы около двух недель. То, что мне хватает для нормального функционирования небольшой миски похлебки раз в сутки, больше не вызывало удивления. Они явно нашли какое-то объяснение, которое их полностью устроило. Упырь по-прежнему маячил рядом, скалясь и рыча, как дикий зверь. Главарь смотрел на это безразлично. Как я понял, ему главное, чтобы я оставался жив и мог идти, остальное его мало волновало.

В конце второй недели я заметил, что люди начали тревожно оглядываться. Я тоже осмотрелся, но ничего особенного не заметил – лес и лес. Когда дорогу нам преградил человек, я весьма удивился. Высокий старик, облаченный в белую рясу, подпоясанную коричневой веревкой, появился так резко и бесшумно, что напоминал призрака.

Отряд мгновенно остановился. Пока главарь раздумывал, я осматривал нового персонажа. Как я уже сказал, старик был высоким. Очень. Под два метра ростом точно. Я еще никогда не встречал пожилых людей такого роста. А еще

полностью седой, с большими залысинами, бородой и усами. Еще примечательным было то, что в руках он держал посох. Не корявую палку, нет, а именно резной посох.

Осмотрев наш небольшой отряд, старик остановился взглядом на мне. Седые и густые брови тут же нахмурились.

Он глянул на главаря и сказал что-то резкое. Местный язык до сих пор воспринимался мною как лаянье, слишком уж сильно они выделяли звук «а», делая его очень уж громким.

Главарь между тем что-то ответил, взмахнув рукой. Старик задумчиво поглядел на меня, а потом кивнул, разворачиваясь. Каркнув что-то, он скрылся в кустах, а мы пошли дальше по едва заметной тропинке. Когда проходили мимо тех самых кустов, я окинул их взглядом, не понимая, как старику удалось пройти между них бесшумно, да еще и почти моментально раствориться.

Долго разбираться мне не дали – подтолкнули в спину. Очень скоро мы вышли на небольшую поляну, посередине которой возвышался холм. На этом холме стояло среднего размера здание, вытянутое вверх на несколько этажей. Все здание было буквально увито каким-то растением. Из-за этого невозможно было даже рассмотреть, из чего сделаны стены и какого они цвета.

На пороге нас уже ждали несколько старцев. Наверное, их лучше всего называть именно так. Все в похожих белоснежных одеяниях, подпоясанные и с посохами. На нас они смотрели хмуро, особенно на меня. Я же с интересом посматривал на них, размышляя над своей дальнейшей судьбой. Скорее всего, держали меня именно для того, чтобы передать этим старичкам. Вот только для чего? Оставалось надеяться, что белорясные не приносят людских жертв какому-нибудь богу.

Когда мы подошли, то один из старцев приблизился ко мне и обошел по кругу. Даже крепость узлов проверил. После этого он ткнул меня, я так понимаю, посохом в спину, давая понять, чтобы я шел дальше. Во мне поднялось раздражение, за которое я ухватился, надеясь, что хотя бы оно пробудит во мне магию. Но нет, оно взвинтилось, забурлило внутри, а потом почти мгновенно опало, растворяясь без следа. Так что не оставалось ничего иного, как последовать туда, куда меня так вежливо приглашали.

Зайдя внутрь, постарался осмотреться. После яркого света помещение поначалу показалось слишком темным, но вскоре я проморгался. Правда, к тому моменту меня снова тычком в спину подтолкнули вперед.

Спустя некоторое время я все-таки смог оценить убранство неизвестного мне здания. Как оказалось, вьюн (или что там оплело этот дом) облюбовал не только внешние стены, но и внутренние. Он покрывал стены, свисал с потолка лианами, даже кое-где закрывал пол. И не совсем понятно было, откуда тогда идет свет. Сколько я ни глядел, но ни одного окна так и не увидел, как и мебели. Впрочем, помещение было узким, так что оно вполне могло выполнять функции коридора.

Немного позже старец открыл передо мной дверь. Не став дожидаться, пока меня снова подпихнут в спину, я шагнул внутрь. Дверь за спиной тут же с грохотом закрылась, погружая комнату в полную темноту. Да, окна тут, видимо, не в почете. Снаружи послышался какой-то шум. Скорее всего, меня попросту заперли.

Сделав шаг назад, прикоснулся кончиками пальцев к двери, а потом стал медленно обходить комнату по периметру, придерживаясь стены. Руки мне никто даже не подумал развязать. Через какое-то время я снова дошел до двери. Судя по всему, комната очень маленькая – примерно два на три. Никакой мебели около стен я не обнаружил. После некоторых исследований понял, что ее здесь вообще нет.

Отойдя от двери на пару шагов вбок, сел на пол, пристраивая руки как можно более удобно. Веревки давно уже не приносили (почему-то) болезненных ощущений, но чтобы держать их столь долго за спиной – приятного мало.

Итак, в том, что со мной происходит, я могу винить только себя самого. Не стоило мне после того, как я вывалился в этот мир, нестись галопом через лес, не глядя по сторонам. Надо было остановиться, подумать, проверить свои способности, которых, впрочем, все равно теперь нет. Зато, если бы я узнал об этом сразу, то не вел бы себя столь беспечно. Наверное.

Хотя… подождите-ка…

А если вспомнить всё, что происходило со мной сразу после выхода из портала? Я вышел, оглянулся на закрывшийся проход, осмотрелся, а затем оглядел себя.

Да, точно. Я еще заметил, что мой плащ белого цвета. И я пожелал это изменить!

Проклятье, я ведь на самом деле тогда воспользовался магией, но толком даже не обратил на это внимания. А потом словно и забыл об этом, вспомнив только сейчас. Видимо, на мысль меня натолкнули белые рясы старцев. Я еще и тогда и сейчас подумал, что белый крайне маркий цвет.

Что это мне дает? А то, что магия у меня все-таки есть, но по какой-то причине воспользоваться ею я не могу.

Глубоко вдохнув и выдохнув несколько раз, постарался припомнить, что именно я испытывал в момент, когда менял цвет своего плаща с белого на черный. Да ничего особенного! Я просто подумал и пожелал изменить цвет. Всё.

Отлично, а теперь пожелаю, чтобы в комнате стало светлее. Желать пришлось долго. Вот только результат был тем же самым – нулевым.

В какой-то момент заподозрил веревки в том, что они каким-то неведомым образом не дают мне воспользоваться силами. Пришлось все-таки снимать их. Не скажу, что это вышло просто, отнюдь нет. Я даже примерно не представляю, сколько прошло времени, но сейчас, когда мне никто не мешал и никто за мной не следил, снять их удалось. Я был сосредоточен на этом, поэтому в какой-то момент ощутил некую странность, правда, так и не понял, в чем именно она заключалась.

Растерев запястья, выдохнул и вытянул руки перед собой. Пару раз потянувшись, расслабленно привалился к стене и снова попытался пожелать. Сначала хотел, чтобы стало светлее, потом попытался хоть что-нибудь изменить вокруг себя, но всё тщетно. Магия по-прежнему не отзывалась. На магическое зрение перейти у меня тоже не получилось, сколько бы я ни старался.

Впору было бросить все это и поверить, что магия осталась в прошлой жизни. Но я не мог в это поверить. И этому было объяснение. Во-первых, цвет плаща я все-таки изменил. Во-вторых, я просто не знаю, как может существовать кто-то вроде меня без поддержки магии, учитывая, что обычного, нормального тела у меня как бы и нет. И если первое можно объяснить чем-нибудь вроде остаточного явления (вроде потратил на перекрашивание последние капли

оставшейся магии), то со вторым не все так просто.

А что если я могу влиять только на свое тело? Или вообще только на одежду? Такое может быть? Вполне. Вот только как это проверить? Кругом кромешная тьма. Да запросто. Изменять ведь можно не только цвет, но и, например, фактуру или, вообще, форму.

На этот раз я не спешил. Заранее готовиться к провалу не хотелось, но я настроился на то, что ничего, может, и не получится.

Так, на мне сейчас нижнее белье, самая обычная рубашка, штаны, носки, сапоги и плащ. На мгновение мне даже показалось, что всё это я ощущаю словно части моего тела, но чувство это быстро исчезло.

Форму я пока менять не буду, а вот с фактурой попробую что-нибудь сделать. Подхватив угол плаща, помял его в руках. Ткань грубая, толстая. Попробуем сделать ее чуть мягче. Я настолько сосредоточился на этом, что, казалось, мог уловить малейшее изменение. Но это совсем не так. Оказалось, что все как раз наоборот.

– И что? – недовольно пробурчал я, продолжая мять свой плащ. Понять, стала ткань мягче или нет, никак не удавалось. В один момент я думал, что стала, но почти сразу начинал сомневаться в этом.

С легким раздражением, которое почти моментально исчезло, я отбросил угол плаща и откинул голову назад, стукнувшись о стену затылком. Боль прошила все тело. Поморщился, а потом снова попробовал представить себе, что одежда на мне стала значительно мягче.

Когда я с некоторой опаской потрогал плащ, то едва смог сдержать ликование. Да! Вот сейчас изменения совершенно точно заметны. Плащ на ощупь ощущался так, словно был сделан из тончайшей шерсти.

Порадовавшись немного, стал думать дальше.

Ткань поменялась. Это могло означать одно из двух: либо мои способности теперь совершенно иные, либо я могу управлять только своим собственным

телом. Да, я до сих пор считаю, что одежда – это часть меня.

Интересно, а я смогу сделать так, чтобы она полностью исчезла? Думаю, пока с этим не стоит экспериментировать. Всё-таки пол здесь холодный, да и кто знает, смогу ли я вернуть одежду потом. Представать перед местными жителями в голом виде мне как-то совсем не хотелось. Но это не значит, что я вообще ничего не буду делать.

После этого я еще несколько раз поменял фактуру плаща, потом попытался изменить его форму. Проверять результат пришлось на ощупь. Судя по всему, со своей одеждой я мог сделать все что угодно. Я даже попробовал сделать ее стальной. Не знаю, получилась ли у меня именно сталь, но то, что вещи стали металлическими – совершенно точно.

На одежде я не успокоился. Если она – часть меня и я могу ее менять, не означает ли это, что и со своим телом я могу делать что угодно? Конечно, я попробовал. Начал с мелочи – удлинил, укрепил ногти, сделав их похожими на когти. Это оказалось немного сложнее, чем управлять своей одеждой, но в конце концов мне удалось сделать задуманное.

После того, как у меня получилось, я еще с полчаса, наверное, сидел и как дурак трогал свои когти. Почему-то до конца не верилось. Наверное, потому что это открывало просто невероятные перспективы. Пока я не знал, насколько я могу изменять свое тело, но фантазия уже рисовала нечто невероятное.

А почему, собственно, я могу это делать? Потому что структура души неоднородна и может изменяться так, как ей хочется? Или дело в растворенном во мне магическом камне?

Если так подумать, то моя оболочка (физическое тело) может быть как раз именно из него. Всё-таки было бы странно, если бы именно душа принимала физическое воплощение.

Сосредоточившись на правой руке, постарался изменить свою кожу, сделав ее очень прочной. Мне необходима была защита, хоть какая-нибудь. Как-то не слишком хочется постоянно терпеть боль, тем более теперь она ощущается для меня совсем по-иному.

Через некоторое время попробовал уколоть себя когтем. Ощутил легкий укол. Нажал чуть сильнее, но боли по-прежнему не было, только странное ощущение натяжения.

Чуть подумав, махнул рукой, с желанием оцарапать себя. Немного перестарался – в темноте не видно ничего, поэтому руку задел лишь слегка, зато полоснул когтями по ноге. Боль судорогой прошлась по всему телу. Едва сдержав крик, сосредоточенно замер, пережидая слишком острое ощущение.

Спустя некоторое время облегченно выдохнул. Да уж, в этом новом теле боль ощущается слишком сильно, зато быстро проходит, не оставляя и следа. Чтобы убедиться, потрогал ногу, но не нашел ни царапины.

С одной стороны, хорошо. С другой, если кто-нибудь задастся целью, то с помощью пыток вполне может свести меня с ума. Я даже боюсь представить, насколько будет болезненно получить порез, если царапины от когтей скручивают в три погибели.

После этого экспериментировал более осторожно. В итоге понял, что кожу действительно можно сделать очень прочной. Пока получалось только на определенном участке, но надеюсь, что в дальнейшем получится сделать ее таковой по всему телу. Думаю, этим можно заняться прямо сейчас. Не нравятся мне эти благообразные старцы. С чего-то они ведь заперли меня сюда, хотя я им ничего не сделал, даже не разговаривал.

Именно с такими мыслями и дурным предчувствием я занялся своим телом, про себя радуясь возможности хоть как-то себя защитить.

Сколько времени я провел в закрытой комнате, не знаю. По моим ощущениям не меньше двух недель. Хотя я вполне могу и ошибаться.

Как я уже говорил, мое новое тело не хотело ни есть, ни пить. Мне не нужно было ходить в туалет или мыться. Я даже спать толком не мог, просто проваливался на несколько минут в пограничное состояние. Несомненно, длилось оно гораздо дольше, но я этого не ощущал совершенно. В конце концов, однажды я обнаружил, что мне даже дышать не требуется. И это было хорошо, ведь в комнате я не заметил ни окна, ни вентиляции.

Наверное, старцы решили долго не думать и попросту убить меня таким вот способом. Если бы на моем месте был обычный человек, то им это вполне удалось бы. Живой организм просто не смог бы прожить столь долго без еды и воды. Про воздух я вообще молчу.

И тут вырисовывается проблема. Не думаю, что старики не знают, к чему может привести столь долгое голодание. Они весьма удивятся, когда откроют, наконец, эту дверь и увидят меня. Что-то мне подсказывает, что заморенным голодом и жаждой я не выгляжу.

Я бы, наверное, умер тут со скуки, если бы не мои постоянные, круглосуточные тренировки. Совершенно не хотелось оставаться беззащитным, поэтому я качал свою способность так, будто от этого зависела моя жизнь. Впрочем, кто знает, может быть, все именно так и есть.

Однажды я решил попробовать снять плащ. Нет, мне не было жарко, и он мне не мешал, просто захотелось узнать – как поведет себя одежда, если я ее сниму. Для начала встал, потом снял плащ и медленно разжал пальцы – судя по вполне обычному шороху, он упал на пол, как и любая другая одежда на его месте. Я замер, наблюдая. Спустя несколько мгновений плащ весь заискрился и вскоре рассыпался светло-голубыми искрами, которые струйкой потянулись ко мне. Недолго думая, я протянул руку – искры, словно какая-то жидкость, потекли по руке, а потом то ли растворились в моем теле, то ли просто потухли. Я нагнулся и пошарил руками по полу – плаща не было.

Любопытно. В принципе, я и раньше думал, что одежда – часть меня, а сейчас я в этом полностью уверен. Видимо, она состоит всё-таки из силестина (буду называть это так). Больно уж искры знакомые. Скорее всего, вне моего нынешнего не совсем обычного тела это вещество находиться не может, именно поэтому старается вернуться обратно. Не сказать, что я сильно против, ведь благодаря этому веществу у меня есть хоть какая-то защита.

Итак, недавно я поранил ногу – мне было весьма больно. Не так давно мне несколько раз прилетало по лицу и по бокам – это тоже оказалось крайне болезненно. Когда я снял плащ – боли не было. Значит ли это, что в плаще не было частицы меня самого? Думаю, можно надеяться на это. Всё-таки считается, что душу разделить нельзя. Хотя, если очень постараться, то все возможно.

Пошарив по карманам, ничего не нашел, что логично. Задумался. То, что я покрыт неким веществом, способным меняться по моему желанию – факт. Цвет, фактуру и даже форму я менять могу, значит, если постараться, то можно вылепить что-то другое. Например, нож. Главное, не выпускать его из рук, иначе тоже рассыплется искрами.

Конечно, я попробовал. Вытянул руку перед собой и представил во всех деталях самый обыкновенный нож. Как и с плащом, поначалу не было никаких изменений, но потом я ощутил, как кожа на руке словно бы пошла волнами – весьма неприятное ощущение. Спустя пару мгновений ощутил в руке тяжесть. Очень похоже было, что я добился успеха. Причем даже намного быстрее, чем с изменением фактуры ткани плаща. Наверное, все дело в том, что я знаю, как это должно быть и что это вообще возможно.

На ощупь удостоверился, что в моей руке действительно самый обычный нож. Повертев, с силой бросил в стену напротив. Послышался глухой стук, а спустя мгновение нож заискрился и рассыпался. Я с любопытством понаблюдал, как чуть сияющие искры снова облепили мою руку и погасли.

Подумав немного, встал и медленно двинулся к стене напротив. Всю ее обшарил, но небольшой след от воткнувшегося ножа все-таки нашел. Отлично, значит, в случае чего, таким оружием вполне можно поранить. Еще одна хорошая новость.

Привычный к магии, я воспринимал все гораздо спокойнее, но даже так все это казалось мне довольно странным. Особенно, когда кожа во время воплощения ножа шла волнами. Ощущение это было похоже на то, будто под ней кто-то копошится. Прямо нанотехнологии какие-то.

Прикрыв глаза, представил, что снова в плаще. Не сказать, что он мне требовался, но я все-таки уже привык к нему. В этот раз все прошло еще быстрее. Мгновение – и на плечах будто бы появилась дополнительная тяжесть. Ощупав себя, я убедился, что снова одет в плащ.

Снова сев на пол, начал исследовать новое умение, привыкая к неприятным ощущениям и стараясь создавать вещи как можно быстрее. Вскоре понял: сделать что-то слишком большое – нереально. Всякие ножи, мечи, копья и прочие мелкие вещи – пожалуйста. Попробовал сделать кровать – облом.

Вещи на себе я тоже научился менять с большой скоростью. При этом я не стал ограничиваться только усилением своей кожи. Одежду тоже не обошла эта участь. Конечно, я не делал ее стальной, но старался укрепить, усилив металлическими нитями. Понятия не имею, насколько это может защитить от меча. К сожалению, напарника у меня не было.

Мне нравились мои новые способности. Понятное дело, я не был доволен тем, что умение читать мысли и эмоции пропало. Это была крайне полезная вещь. Мне оставалось лишь надеяться, что в будущем я всё-таки пойму, что не так делаю, и снова разовью этот дар. Думаю, в этом мире нужно действовать как-то иначе. Вот только как, я пока не понимал. Если в прошлом мире это умение развилось у меня практически само по себе, то здесь такого подарка точно не будет. Но дар этот совершенно точно не пропал бесследно, нужно лишь выковырять его из себя, поднять наверх и отточить заново.

Создавать артефакты тоже хотелось бы, да и умение лечить порой крайне полезная вещь. Потеря этих даров была ощутимой, и я не был уверен, что они остались со мной.

Думаю, это время, проведенное в полной темноте, даже пошло мне на пользу. Конечно, лучше бы я изначально был осторожнее и скрылся где-нибудь в лесу, уже там все это узнавая, но что есть, то есть.

Переход в новый мир полностью изменил меня. Да, я смог выжить, что уже хорошо – хотя до самого конца сомневался, что мне удастся это сделать. При этом я потерял не только физическое тело, но еще почти все способности, возможно, навсегда. Хоть верить в это и не хотелось, но я признавался сам себе, что такой вариант не исключен. Не знаю, хорошо это или плохо, но потеря весьма значительная. Конечно, кое-что и приобрел, но равноценный ли это обмен?

Когда снаружи послышался шум, я вскочил на ноги и прижался спиной к стене рядом с дверью. Воплотив в руке длинный нож, я прищурился, готовый к тому, что вскоре в комнате станет слишком светло. Что ж, пора узнать, что готовит мне будущее.

Глава 2

Я был прав – даже непрямой свет раздражал глаза. Краем глаза наблюдая за тусклой тенью, возникшей на полу, я напрягся, сжимая нож крепче. Ну, давай же, заходи.

Старец будто бы послушался меня. Сначала в проеме возник посох, а потом внутрь осторожно шагнул старик. Недолго думая, я сделал рывок вперед, перехватывая старика так, чтобы он оказался передо мной. Не скажу, что я был очень ловок, но вышло без запинок.

– Дернешься, лишишься головы, – приставив нож к его горлу, прошипел я.

При захвате старался повернуться так, чтобы оказаться лицом к выходу, подозревая, что дедок пришел не один. Я оказался полностью прав – в данный момент на меня было направлено несколько посохов. Оглядев быстрым взглядом эти палки, нахмурился. На первый взгляд в искусно вырезанных деревяшках не было ничего опасного, вот только под их прицелом мне становилось довольно неуютно.

Поначалу все было нормально; я удерживал заложника, угрожая приставленным к горлу ножом; старцы хмурили кустистые брови, направляли на меня оружие и недобро сверкали глазами. Вот только вскоре их взгляды изменились – в них появились легкое непонимание и растерянность.

Переглядываться можно до бесконечности, а мне не терпелось убраться отсюда подальше. Гостеприимство местных жителей я успел оценить – мне не понравилось.

Подтолкнув дедка, медленно пошел вперед. Старцы отшатнулись, а потом, переглянувшись, медленно опустили посохи. Вот и отлично, мне меньше проблем.

Один из них – центральный, самый высокий и худой – тихо что-то сказал, вопросительно глядя на меня.

– Не понимаю, – ответил я, мотнув головой.

В следующий момент старики перестали излучать угрозу, я даже удивился тому, что ощутил нечто подобное. Возможно, я прав, и мой дар ощущать эмоции не пропал до конца.

В благодушие дедов я не поверил, поэтому, стараясь не поворачиваться к ним спиной, медленно потащился к выходу, не отпуская заложника.

Наверное, я слишком сосредоточился на противниках напротив, забыв о захваченном старике. А вот тот обо мне не забыл. Понятия не имею, кто их тут обучает боевым искусствам, но я толком не успел ничего понять, как дед выбрался из моего захвата, а потом еще и меня скрутил в бараний рог.

Вздохнул, замирая с заломленной назад рукой. При этом я лихорадочно пытался придумать, что делать дальше. После недавних событий меня вряд ли оставят в живых.

Я даже не успел толком придумать план нового побега, как услышал сзади гомон. В следующий момент мою руку отпустили. Я и не подумал медлить, сразу выпрямился, отскочил к стене и повернулся, настороженно наблюдая за дедами. Они о чем-то спорили с моим недавним заложником, то и дело указывая руками на меня. Старик огрызался, а потом окинул меня недоуменным взглядом и замолчал.

Все мы замерли. В коридоре повисла тишина. Старики выжидающе на меня смотрели, а я пытался понять: что им от меня надо и почему меня вдруг отпустили.

По их взглядам понял, что что-то в моем облике изменилось. Я много экспериментировал в темноте, ориентируясь только на ощупь, мало ли что я там сделал. Когда опустил взгляд, то первое, на что обратил внимание – цвет плаща. Он снова стал белым. Вся остальная одежда тоже побелела. Видимо, этот цвет – изначальный. Когда я экспериментировал, то, наверное, сбил свое первое преобразование, а потом и вовсе забыл о том, что нужно поменять цвет. В кромешной темноте все одинаково. Если нет хотя бы минимального источника света, то и не различишь.

Я уже хотел изменить цвет на черный, но сразу подавил мимолетный порыв. Неужели они отреагировали так на смену цвета? Впрочем, почему бы и нет. Они отлично знают, что в комнату я входил в черных вещах. Помещение я не покидал, думаю, это они тоже отлично знают, не удивлюсь, если караулили. В итоге вышел из нее я в белом. Для них все это, должно быть, выглядит крайне странным. И судя по лицам, что-то да означает.

Немного подумав, чуть расслабился и спрятал нож за пазуху. Не хотелось бы мне светить тем, как он исчезнет, рассыпавшись искрами. К моему удивлению, нож сразу не исчез. Это явно из-за того, что он до сих пор соприкасался с одеждой.

Приподняв руки, показал, что оружия у меня больше нет, и вопросительно вскинул брови.

– И что дальше? – спросил, переводя взгляд с одного старца на другого.

Спустя некоторое время полного молчания один из них резко сказал что-то всем остальным, а потом медленно подошел ко мне, стараясь всем своим видом показать, что нападать не собирается. Подойдя, он заглянул мне в глаза и медленно что-то сказал. Я мотнул головой. Как по мне, то давно уже надо было понять, что я не знаю их язык. Но нет, они снова и снова старались мне что-то втолковать.

Чему-то кивнув, старец встал боком и жестом попросил меня идти за собой. Я с подозрением посмотрел сначала на него, потом на других стариков, но потом все-таки пошел. Не буду скрывать, мне было любопытно.

Проходя мимо дедов, я напрягся, в любую минуту ожидая удара, но его не последовало. Правда, выдохнул только после того, как мы завернули за угол. Шагов позади не услышал, поэтому слегка расслабился, оглядываясь по сторонам. В принципе, смотреть тут было не на что. Простой коридор, если не считать того, что весь он был увит лианами. Иногда через них даже приходилось перешагивать. И опять же, я не заметил окон, но в свет откуда-то лился. Очень интересно.

Дойдя до двери, дед открыл ее и вошел. Я не стал отставать. Правда, входил осторожно – мало ли, по затылку треснет. Но нет, старик стоял около одного из длинных столов.

Осмотрелся. Судя по всему, это помещение выполняло функцию чего-то вроде столовой. Об этом говорили три длинных стола, по обеим сторонам которых стояли лавки, а также тарелки на этих столах. Больше ничего примечательного я не заметил. И снова – кругом лианы.

Повернувшись ко мне, старик указал кивком головы на одну из тарелок. После этого он сел и как ни в чем не бывало принялся есть, делая вид, что не обращает на меня никакого внимания.

Я понаблюдал за ним несколько секунд, а потом подошел к столу и сел. Поглядел на предложенную пищу. Какая-то зеленая похлебка. Пахла она вполне неплохо. Подумав немного, взял деревянную ложку и из вежливости съел немного.

Старец, украдкой наблюдавший за мной, чему-то кивнул, а потом слегка улыбнулся, кладя ложку на стол и отодвигая пустую тарелку. Я сразу сосредоточился, ожидая его дальнейших действий.

– Абелайо, – сказал он, указывая пальцем на себя.

Это могло быть как имя, так и обозначение рода деятельности. Например: я – монах. Или кто они тут все такие?

Услышав шум около двери, оглянулся. Там собрались остальные старцы, с интересом наблюдающие за нами.

– Абелайо? – спросил я, кивнув на собравшихся стариков.

Дед тут же мотнул головой, отрицая, а потом махнул рукой, подзывая остальных. Старики степенно приблизились, отчего я невольно встал – слишком уж все они были высокими, смотреть на них снизу вверх отчего-то совершенно не хотелось.

– Бедоир, Гахарит, Ллвид, Манопус, – явно представлял остальных Абелайо, указывая то на одного, то на другого. А потом положил руку себе на грудь, сказав: – Абелайо, – и замер выжидающе.

– Наяль, – ответил, указывая пальцем на себя. – Давье, – добавил. – Наяль Давье, – произнес так, чтобы было понятно, что это два раздельных слова.

Абелайо закивал, а потом попытался повторить – получилось кривовато, но вполне узнаваемо.

Становилось понятно, что прямо сейчас убивать меня не собираются, но я все равно до конца не расслаблялся, старательно отслеживая перемещение старцев. Те старательно делали вид, что все в порядке. Переговариваясь между собой, они расселись и принялись за еду.

Абелайо привлек мое внимание, не дав долго рассматривать остальных старцев. Указав на стол, он медленно проговорил незнакомое слово. Стало понятно, что он вызвался обучить меня языку. Думаю, они и сами понимали, что пока мы не сможем разговаривать на одном языке, ничего друг о друге не узнаем. Не сказать, что я собирался что-то о себе рассказывать, но понимать аборигенов хотелось.

Я кивнул и тщательно повторил за ним.

С того момента началось мое стремительное обучение. Слова я запоминал очень быстро. Я думаю, что это отголоски моего дара. Именно благодаря умению считывать мысли изучение совершенно нового языка давалось столь легко. Всё-таки, когда считываешь мысли другого человека, то мозг обрабатывает намного больше информации, чем обычно. Это, должно быть, отличная тренировка для мозга.

На этом моменте я всегда задумывался. Если у меня нет физического тела, значит, нет и мозга. Неужели в данный момент за все мыслительные процессы отвечает сознание? Всё это было крайне сложным, поэтому полное изучение себя я оставил на потом.

К тому же помогало погружение в языковую среду. Когда все вокруг говорят на другом языке, то хочешь не хочешь, а выучишь.

В итоге через пару недель я смог худо-бедно изъясняться, складывая слова в предложения. Еще через некоторое время Абелайо привел меня в библиотеку. Правда, перед этим, как я понял, ему пришлось выдержать настоящую битву с

другими старцами – судя по всему, они совершенно не хотели допускать меня в обитель знаний.

– Идем, – позвал меня Абелайо, когда я застыл на пороге, осматривая полки с книгами. Конечно, количество книг не поражало воображение, но всё-таки их было много. Взяв в руки тонкую книгу, он что-то сказал и протянул ее мне. Я послушно повторил и взял книгу, открывая ее. Местная письменность отдаленно напоминала древние руны.

Подняв взгляд, с интересом поглядел на посох Абелайо. Раньше я думал, что это просто какой-то необычный орнамент, но сейчас понимал, что он весь исписан.

С того дня Абелайо взялся учить меня не только говорить, но и читать и писать. Не знаю, зачем ему это, но я не сопротивлялся, с интересом впитывая новую информацию.

Пергамент тратить на тренировки не позволялось, поэтому приходилось писать мелом на деревянных отполированных табличках. Иногда, конечно, выходили заминки, но постепенно мой разговорный стал почти идеальным. С письмом было сложнее, зато читать я мог отлично.

Для житья мне выделили небольшую комнату с широкой деревянной лавкой и с тонким соломенным матрацем. Для того, чтобы не нервировать людей, я старательно ел один раз в день, но не более. Старцы на это только одобрительно кивали. Наверное, радовались, что я их не объедаю. Хотя, скорее всего, дело в чем-то другом.

Охрану ко мне не приставляли, дверь в комнату не запирали, но свободно передвигаться по территории не разрешали. Я один раз попробовал осмотреться, но меня вежливо проводили к Абелайо и сдали с рук на руки. Я не стал возмущаться, понимая, что они в принципе и не должны полностью доверять мне.

Вскоре после того, как я научился нормально разговаривать, у нас со старцем произошел давно ожидаемый нами обоими разговор. Начал его я сам, так как мне хотелось о многом спросить. Абелайо не стал отмалчиваться или переводить разговор на что-то другое.

– Почему меня схватили? – спросил я, тщательно подбирая слова.

– Потому что ты был одет, как черный жрец, – невозмутимо отозвался Абелайо. При этом он сидел на лавке и держал свой посох перед собой, слегка опираясь на него. Не понимаю, почему, но старцы везде ходили с этими посохами, редко выпуская их из рук.

– Черный жрец? Кто это? – спросил я.

Напряженные плечи Абелайо при этом слегка расслабились, да и выражение лица стало немного мягче.

– Чтобы понять, – начал он, повернувшись ко мне, – нужно начать издалека.

– Легенды? – спросил, заинтересовываясь еще больше. – Хорошо. Я слушаю.

Старец пожевал губы, будто размышляя, с какого именно момента начать, а потом всё-таки заговорил:

– Очень давно, когда еще не существовало ни нашего мира, ни солнца, ни сияющих звезд, Вечная Мать родила двоих сыновей-близнецов. Похожи они были лишь ликом, но не сутью своей. Хокан и Лодар. Свет и Тьма. Добро и Зло. Вечные соперники, несмотря на то что братья. От их противостояния сотрясалось все сущее. Через какое-то время постоянные битвы надоели им, и братья захотели прийти к соглашению. Они создали наш мир, зажгли солнце и звезды, сотворили людей и остальных живых существ. Это было единственное время, когда два брата работали вместе. Условились они, что в каждое свое творение вложат поровну света и тьмы – это должно было принести желанное равновесие. Но оба брата хитрили. На самом деле жажда победить все еще горела в них. С той поры не родилось в мире ни одного человека, в котором света и тьмы было бы поровну. Всегда перевешивает либо тьма, тогда побеждает Лодар, либо свет – Хокан. Они втянули в свой спор свои творения, заставив нас всю жизнь вести борьбу внутри себя.

Абелайо ненадолго замолчал, но я не торопил его, дожидаясь продолжения рассказа.

– Хокан, – снова заговорил старец, – бог светового дня и добра. Он олицетворяет все хорошее, что есть в человеке. Лодар – его брат-близнец, бог ночи, зла и коварства, создатель кошмаров, дурных вестей и черных дел. День – время Хокана. Ночь – Лодара. Люди поклоняются этим богам. Кто-то почитает Хокана, как мы. А, например, черные жрецы – Лодара.

– И вы воюете с ними? – спросил я, пытаясь понять масштаб противостояния. – С черными жрецами.

– Мы ни с кем не воюем, – хмуро отозвался Абелайо. – Война – создание Лодара, и нам не престало заниматься столь черным делом. Нам не за что их любить, ведь черные жрецы – жестокие люди, потакающие тьме внутри себя. Но если бы только это, мы не стали бы обращать на них внимания, ведь каждый сам выбирает, за каким именно богом идти. – Что-то я в этом очень сильно сомневаюсь. – Но они проводят человеческие жертвоприношения, а это совершенно недопустимо, – отрезал Абелайо.

– Но почему вы приняли меня за него? – спросил я, не став выказывать свой скепсис насчет того, что старцы отставили бы жрецов в покое, если бы те перестали резать людей. Я уверен, нашлась бы иная причина для противостояния.

– Твои одежды, – Абелайо оглядел меня так, словно пытался увидеть на мне хоть клочок черного цвета. – Черные жрецы одеваются именно так.

– А зачем меня кинули в ту комнату и почему не приходили столько времени? – задал еще один интересующий меня вопрос.

– Белые маги не могут позволить себе убивать, ведь убийство подпитывает тьму внутри, – степенно ответил старец. – Но черный жрец достоин только одного – смерти.

Я моргнул, переваривая только что услышанное. Получается, убить они меня хотели, но марать руки не собирались, поэтому закинули в комнату, решив просто подождать, пока я сам загнусь от голода или жажды. Очень замечательно.

– Почему тогда передумали? – поинтересовался, подумав, что эти старики не такие уж и белые, как сами про себя думают.

– Ты, несмотря ни на что, остался жив. Кроме этого, тьма в комнате вытянула из тебя всю черноту, отчего твои одежды стали белоснежными. А это означает, что Хокан распростер над тобой свою длань и решил взять тебя под свое крыло. Мы не могли навредить человеку, судьбу которого решил сам бог.

Так вот, значит, как они все для себя объяснили. Хорошо, мне даже не пришлось ничего придумывать.

– А язык? – спросил я, с интересом замирая. Хотелось бы знать, что они придумали по этому поводу. Абелайо меня не разочаровал.

– Знания и мысли твои, скорее всего, ранее были столь полны черноты, что утекли вместе с тьмой из сердца. Разума ты не лишился лишь по желанию Хокана, даровавшего тебе свое благословение.

Неужели главарь не сказал им, что я и раньше ничего не понимал? Наверное, так и есть, раз старцы сделали такой вывод.

– А те разбойники, почему они привели меня к вам?

Старец глянул на меня чуть снисходительно.

– Черных жрецов не только маги не любят. Простые люди тоже не испытывают радости при встрече с ними. Жреца можно убить, но тогда тьма внутри победит. Никто не желает подобного, поэтому, поймав черного жреца, светлые люди стараются привести их к нам. Конечно, мы благодарим их за это.

Что-то я сильно сомневаюсь, что те аборигены были светлыми. И не прирезали они меня сразу как раз из-за той самой благодарности от этих белых магов. Кстати о них.

– Вы говорите, что вы светлые маги. Я понимаю, почему светлые, но что значит маги? – поинтересовался я, желая узнать, насколько правильно понял значение слова, которым старец назвал себя. Всё-таки на местном это звучало немного не

так, как я привык. Это я переводил слово гавал как маг, но, как мне кажется, более близким по значению всё-таки будет друид или что-то вроде этого.

– Мы – последователи Хокана. Мы занимаемся, тем, что приносим в мир свет, пробуждаем его в людях. Кроме этого, мы заботимся о природе, лечим ее, зверей и людей, забирая их хвори и печали.

– А ваши посохи?

Абелайо помолчал с минуту, задумчиво рассматривая меня, а потом всё-таки ответил:

– Эти письмена сделаны не просто так. Они вырезаны для того, чтобы собирать в себя силу солнечного света. Это помогает нам лечить.

Я покосился на посох. Что-то мне подсказывает, что не только лечить помогает эта дубина. Не зря ведь они все время тыкали ими в меня. Подозреваю, если нужно, то с помощью заключенной в посохи силы они и умертвить могут.

– О какой силе вы говорите? – уточнил я, рассчитывая на то, что речь идет всё-таки о магии.

– Думаю, нам пора идти на ужин.

Старец поднялся, тяжело опираясь на посох. Он явно дал понять, что далее развивать эту тему ему совершенно не хочется. Жаль. Пока еще мне не совсем понятно, правда ли в посохах заключена магическая сила, или это просто обороты речи такие. Мало ли, вдруг это просто обязательные атрибуты местных друидов. Положено ходить с посохом, рассказывая всем, что это для накопления силы, и все тут. А на самом деле ничего подобного нет, просто расписанные палки.

Почему тогда тыкали в меня? Если посильнее размахнуться этим посохом и дать человеку по голове, то он вполне может умереть от удара. А мертвецу все равно, из-за магической силы он умер или из-за банальной физической.

На ужин я не пошел. Есть мне по-прежнему не требовалось, но как я уже сказал, раз в сутки с утра я съедал немного. Вместо этого я окопался в библиотеке, пытаясь вычитать что-нибудь полезное. Судя по тому, что меня спокойно в ней оставили, здесь нет ничего интересного. Я не расстроился – на данный момент мне хватало и этого.

В рассказ о Хокане и Лодаре я не сильно поверил. Подозреваю, что это всего лишь местная религия. Людям всегда нужно во что-то верить. Здесь вот верят в Свет и Тьму. К тому же не исключено, что подобная вера существует исключительно в этой стране или в ряде стран, а где-нибудь на другом конце планеты совсем иные легенды, боги и сказания.

Чем лучше я мог разговаривать, тем больше задавал вопросов. Абелайо старался отвечать на все, лишь изредка о чем-нибудь умалчивая.

Так я узнал, что мир этот носил название Овь. Считается, что Овь – центр всего мироздания. Братья-близнецы очень старались, создавая мир, так что все, начиная от солнца, заканчивая звездами, крутится вокруг Ови. Ну, это вполне ожидаемо.

Страна, в которой я оказался, называется Скадония. Правит ею король Ньорд Железный кулак. Имя это он получил не просто так. Пятнадцать лет назад что-то там случилось в столице, королевская семья почти вся полегла. То ли потравили, то ли просто прирезали. Выжил лишь двадцатилетний племянник безвременно почившего короля. Начались брожения среди знати, но на трон все-таки сел законный наследник короны.

Сел – и тут же полетели головы. В тот год много кого казнили. Ньорд рубил головы без лишнего трепета и сожалений. Недовольные аристократы торопливо заткнулись, опасаясь попасть под раздачу. Кроме этого, соседи у Скадонии весьма беспокойные, так и норовят потрепать нервы. До сих пор Ньорду удавалось выходить победителем из всех сражений.

Народ короля не сказать, чтобы любит, ведь Ньорд для простых людей особо ничего не сделал. Но они были ему благодарны за то, что налог не поднимает и не втягивает Скадонию в бессмысленные войны, которые еще при старом короле были привычным делом. При Кнуте (предыдущем короле) по Скадонии дважды прокатывались разрушительные войны, после которых народ был практически

полностью разорен.

Находится Скадония в северной части материка. Небольшая страна, имеющая выход в море – частый предмет раздора между Скадонией и соседями. Гор в этой стране нет, большая часть покрыта густыми, старыми лесами.

Кроме Хокана и Лодара, люди здесь верят во всяких созданий природы. Некоторые из них якобы были созданы Хоканом, значит, добрые. Другие же Лодаром. Ну, думаю, тут и так все понятно – зло во плоти, нацеленное на то, чтобы сбить человека с пути праведного, а то и вовсе сделать так, чтобы он умер как можно более медленно и болезненно. Непонятно только, зачем творцу мучительная смерть своего же создания.

Например, в лесу можно встретить как добрых созданий, так и злых. Доброе всегда поможет найти дорогу заблудившемуся путнику, покажет место, где можно безопасно переночевать, наведет на грибную поляну или на созревшие ягоды. Злобное создание же постарается всеми силами сделать так, чтобы человек заблудился и погиб.

И так везде. Чуть не утонул? Будь уверен, это злобный озерный дух едва на дно не утянул. Молоко быстро киснет? Горшки бьются? Мусор слишком быстро в доме собирается? Вещи пропадают? Значит, на плечах принес из леса пакостника, которого теперь и метлой поганой не выгонишь из дома.

Даже не знаю, насколько все это правда. С одной стороны, более скептическая моя сторона все это отрицала, ведь лично я ничего подобного никогда не видел. С другой стороны, магия ведь существует, так отчего бы не быть каким-нибудь иным существам, отличающимся от простых животных или людей. В общем, я решил, что пока буду относиться к этому как к обычной части местного фольклора. А вот если в дальнейшем что-нибудь подобное встречу, то пересмотрю этот момент и приму как новую данность.

Естественно, меня интересовала местность.

Я узнал, что данное здание сами старцы называют святилищем. Как уже говорил, мне не позволяли исследовать его, так что я толком не видел, что тут и как. Одно могу сказать, снаружи здание выглядело намного меньше, чем ощущалось внутри. Таких длинных коридоров никак не могло быть в столь

небольшом строении. Только это наталкивало на мысль о применении магии. Заставлял задуматься и постоянный свет, исходящий непонятно откуда. Я некоторое время рассматривал растение, растущее здесь повсюду, но нет, оно не светилось, так же как и стены, потолки и пол. Казалось, свет внутри здания просто есть, и все.

Святилище находится в одном из самых старых лесов Скадонии. Жить в нем опасаются даже местные жители, так что людей тут можно встретить крайне редко. Правда, к святилищу ведет дорога. По ней сюда добираются те, кто желает излечиться. Просто так приходить и тревожить священный покой старцев не принято.

Сам лес относится к наделу хорна Эсбена. Хорн, как я понял, это что-то вроде привычного мне барона. Надел имеет выход к морю, поэтому хорн считается богатым человеком. Вдоль берега сосредоточено много деревень, в которых люди занимаются рыболовством.

Люди здесь живут вроде и не сказать, что совсем бедно, но время от времени находятся те, кому работать не слишком хочется. Они сбиваются в стаи и разбойничают. Некоторые просто на дороге, живя при этом в лесу (подозреваю, как мои недавние знакомцы), а другие отправляются в море. Таких разбойников называют ворогами.

Как я понял, вороги – это кто-то вроде морских грабителей. Одним словом – местные пираты. Никто не знает, где они берут корабли – кораблями тут называют почти все лодки, у которых есть парус, – но все давно уже привыкли, что вороги каждое лето приплывают, чтобы собрать так называемую дань с прибрежных деревень. В таких деревнях селятся в основном рыбаки, и многие живут вполне себе не бедно – северное море богато рыбой.

Короли пытаются бороться с ворогами, но жажда людей заиметь блага, при этом не работая усердно, неистребима. На место уничтоженных кораблей и ворог приходят через какое-то время другие. Причем не все из них чужаки. Люди много раз видели, как к стае (так называют здесь бандформирования) ворог прибиваются и дорожные разбойники.

Все уже более-менее привыкли к нападениям, поэтому, как только сходит снег, стараются спрятать ценности подальше – то есть в лес. В остальное время

усиленно наблюдают за морем, чтобы при нападении как можно скорее скрыться в лесу. Вороги, конечно же, стараются нападать неожиданно. Иногда получается, иногда нет.

Городов в Скадонии не так уж и много, но самый крупный, несомненно, столица – Андор. Полтора века назад случилась страшная война, согнавшая все население Скадонии к замку короля. Люди искали защиты за стенами замка, а после войны многие решили поселиться рядом. На всякий случай, чтобы в случае чего не нужно было далеко бежать. Постепенно деревня разрослась, превратившись в настоящий город. Его обнесли каменной стеной, да так и оставили. Дома поначалу строили деревянные, но потом случился пожар. Люди исправились. Дома в столице теперь все каменные, деревянные постройки запрещены.

В центре Андора стоит замок короля. В нем живет он сам с семьей, члены местной аристократии, десяток белых магов и еще толпа слуг. Рядом с замком расположены казармы, в которых проживают королевские воины. Все аристократы имеют дома в столице. Некоторые в них даже живут время от времени.

Большую часть жителей Андора составляют ремесленники. Остальные жители Скадонии ездят в столицу торговать. Чтобы получить право продавать свое, нужно заплатить налог в казну. Налог зависит от того, что именно продаешь.

Деньги в стране есть, но их настолько мало, что большинство жителей золотые монеты не видели ни разу, довольствуясь медными деньгами. Серебро встречалось тоже крайне редко. В основном все предпочитали простой обмен.

Теперь о простых людях. Кроме рыбалки в северном море люди кормятся с лесов. Конечно, охотиться на крупных зверей не разрешается. Поймают, сразу же оштрафуют, а если человек часто попадается на этом, то могут и в тюрьму отправить. Но люди все равно ходят на охоту. Во-первых, леса здесь настолько густые и обширные, что шанс быть пойманным очень небольшой. Во-вторых, иногда это единственная возможность прокормить семью. У некоторых много детей, но мало земли. Того, что они собирают с нее, не всегда хватает на прокорм.

Как я уже сказал, верят тут в Хокана, Лодара и в Вечную Мать. Но Мать (подозреваю, что это нечто вроде вселенной) воспринимают как что-то громадное и абстрактное. Конечно, ее почитают, но если вдруг что, обращаются в первую очередь к братьям богам, а не к их могущественной и слегка даже пугающей матери.

В основном вера сосредоточена, конечно, вокруг Хокана. Лодар же является олицетворением зла, и почитать его как бы не слишком принято. Это как с дьяволом – все о нем знают, но поклоняются ему только определенные люди.

Друиды называются орденом, конечно же, белым. Все жрецы состоят в собрании, естественно, в черном. Оба культа на дух друг друга не переносят. Люди справедливо боятся черных жрецов – никому не хочется проснуться однажды на черном алтаре. Все знают, что они практикуют жертвоприношения, поэтому этот культ в Скадонии официально запрещен.

Если черный жрец осмелится войти открыто, например, в Андор, то его сразу арестуют. После его ждет либо пожизненное заключение, либо смерть – это в случае, если выяснится, что он участвовал или проводил жертвоприношения. При встрече со жрецом где-то в более уединенном месте люди предпочитают сразу бить. Жестоко? Просто люди боятся, и всё. По словам Абелайо, черные жрецы сами виноваты, что сейчас могут только скрываться, не высовывая носа из своих подземелий.

Конечно, меня волновали эти маги. У меня возникало много вопросов. Например, неужели друидом может стать только человек преклонного возраста? Лично я видел только старцев.

Абелайо на вопросы о белых магах отвечал крайне неохотно. Я вообще не представляю, что заставляло его идти мне навстречу, но пусть и вяло, но он всё-таки рассказывал. Но, как я подозреваю, не всё.

Оказалось, полноценным белым магом или, как я их иногда называл, друидом (просто эти старцы почему-то больше ассоциировались у меня именно с древними друидами) человек может стать, только переступив определенную возрастную черту.

Вступить в культ Хокана (белый орден) можно было только по достижению ребенком десяти лет. Семье выплачивали некоторую сумму, и она навсегда теряла право на этого ребенка. Он становился учеником. Десять лет он познавал основы окружающего его мира. То есть его обучали всему, что должен знать и уметь будущий друид: читать, писать, делать чернила, бумагу, различать травы, определять болезни и многое-многое другое. При этом он еще и помогал по хозяйству.

После этого человек становился слушающим. Он по-прежнему обучался, помогал, но плюс ко всему этому еще и пытался научиться слышать мир и природу вокруг. Абелайо на полном серьезе пытался убедить меня, что он лично умеет понимать язык птиц, а тот же Гахарит (один из старцев) спокойно может пообщаться с любым волком (их тут еще называли злыднями) в лесу, при этом его никто даже не подумает сожрать. Верится с трудом, но я не спорил.

Как именно человек учится что-то там слышать, я без понятия. Абелайо не стал вдаваться в подробности. Я так понимаю, что информация эта закрытая. Сказал только, что в большинстве случаев услышать мир получалось только через несколько десятилетий после начала тренировок. Именно поэтому друидами становились в столь позднем возрасте. Что-то мне подсказывает, если маги и в самом деле могут управлять какой-то силой, то учатся они этому как раз в этот период слушания.

В общем-то после того, как человеку удавалось услышать мир, он вполне мог звать себя белым магом.

Абелайо пытался убедить меня, что все маги как бы между собой равны, ведь иначе не избежать зависти, а зависть – порождение Лодара. Вот только я не очень-то ему верил. В любом случае среди них есть те, кто пользуется большим авторитетом, а есть те, кто сидит по святилищам в самых дальних уголках страны.

На вопрос, почему в святилище я не видел никого кроме старцев, Абелайо ответил, что пока человек не стал полноценным друидом, встречаться с простыми людьми не принято. Считается, что люди могут каким-либо образом сбить с пути истинного молодого и неопытного человека, пошатнуть его веру, отчего стремление его угаснет.

К женщинам члены культа относились неоднозначно. Нет, их не считали созданиями Лодара, но верили, что в женщине всегда больше мрака, чем света. Почему? А потому что она одним своим видом способна пробуждать в мужчинах низменные желания. Тьма всегда тянется к тьме, а свет к свету. Раз женщина пробуждает в мужчине темные желания, значит, в ней самой много мрака.

Секс не считался чем-то запретным, тем более если он происходил между мужем и женой. Всё-таки боги создали людей именно такими, и все понимали, что полностью искоренить стремление людей спать друг с другом нереально, да и глупо.

К блудницам отношение было еще более странным. Их не презирали, даже находили полезными, но старались близко не подходить. Считалось, что один человек может перетянуть в себя мрак другого. Блудницы, конечно же, были воплощением тьмы. При этом спать с ними не запрещалось никому. Якобы после секса со жрицами любви мужчины освобождались от небольшой части накопленной в себе тьмы – она переходила к блудницам. Даже сами маги не видели ничего плохого в том, чтобы спать с теми, кто продает свое тело. Конечно, они считали себя эталоном света, но, как сказал Абелайо, даже в самом светлом человеке есть пятно мрака.

И при всем при этом встречаться с такими женщинами старались максимально скрытно. Это не считалось чем-то зазорным, просто не принято было афишировать. Очень удобно придумали, ничего не скажешь.

* * *

Я никуда не торопился, так что спокойно читал книги, расспрашивал Абелайо, тренировал свои способности в комнате, где меня никто не мог видеть. Можно было оставить святилище, но покидать пока вполне себе удобное место я не спешил. Меня совершенно не тянуло в столицу. Что я там не видел? Судя по тому, что я услышал, Скадония не слишком далеко ушла от обычной средневековой страны. Да и до красот природы мне как бы не было никакого дела. А вот здесь обитали подозрительные маги, не желающие открывать всех своих секретов – это было куда более интересно. Так что я вовсю пользовался гостеприимством и никуда не собирался.

Несколько раз пытался предложить свою помощь, но мне вежливо поясняли, что гость может ни о чем не волноваться. Сразу понятно, что старцы просто не хотели, чтобы я шарил по территории. Иногда мне казалось, что они сами толком не знают, что со мной делать.

К тому же меня заинтересовало то, что знаки на посохах по-прежнему оставались для меня непонятными. Я обратил внимание Абелайо на это, но тот лишь заверил, что это мне совершенно точно ни к чему.

Вскоре все книги, к которым меня подпускали, были прочитаны, а вопросы – заданы. Более ничего интересного маги предложить мне не могли, вернее, не хотели. Естественно, многое осталось в тайне, ведь я для них всё-таки чужак. Нужно было сделать выбор: либо уходить, либо попытаться каким-нибудь способом разузнать то, о чем маги умолчали. И с первым и со вторым возникли некоторые проблемы.

Как я уже говорил, эти друиды и сами не знали, что им со мной делать. Я вроде как, по их мнению, когда-то был черным жрецом, но в то же время со мной произошли изменения, которые они успешно себе объяснили сами. Как бы отпустить меня надо, но я ведь был черным жрецом. Убивать или отпускать меня не хотели, оставлять в святилище тоже причин не было. Обучать меня никто не собирался, привлекать к работе или свободно передвигаться по территории тоже, но и держать меня вечно взаперти они считали неприемлемым. Я буквально ощущал их растерянность. Картина мира никак не желала складываться.

Лично я с удовольствием получил бы еще больше информации, именно поэтому не спешил с уходом. Но очень скоро мне стало понятно, что больше ждать не стоит.

Это случилось в один из вечеров. Я как обычно сидел в это время в своей комнате, медитируя. Прошло уже достаточно много времени с тех пор, как я пришел в этот мир, но я по-прежнему пытался пробудить свои старые способности и ощутить магию в мире.

Ничего не получалось, но я не сдавался. Когда дело касалось магии, я становился крайне упертым. Любое другое дело я вполне мог давно забросить, но только не это.

В общем, я медитировал. А в следующий момент мне в уши устремился поток различных звуков. Сначала я растерялся, вздрогнув и почти оглохнув, но потом с любопытством прислушался. При этом я ощутил предвкушение. Произошедшее казалось чем-то новым, необычным. Неудивительно, что это меня заинтересовало. Последнее время в святилище стало совсем нечего делать.

Перед закрытыми глазами пульсировали различные цвета. Постепенно звук очищался, так что очень быстро я понял, что слышу чей-то разговор. Пока я не собирался анализировать происходящее, просто постарался, скажем так, убрать все помехи. Постепенно у меня получилось, и я смог разобрать голоса.

– Мы не можем отпустить его, – судя по голосу, это был Бедоир – один из старцев. – Вы, Абелайо, слишком привязались к этому жрецу.

– Он не жрец, – моментально возразил Абелайо – уж его-то голос я узнаю без ошибок. Как и голоса остальных старцев, которых постоянно видел в святилище.

– Мы не знаем, какие уловки они могут использовать, – поучительно сказал Бедоир. – Они лжецы, как и их бог.

– Бедоир! – пресек его Гахарит. – Несмотря на то что мы не почитаем Лодара, он всё равно остается богом. Проявите уважение!

– Я и проявляю, – возмутился Бедоир. – В чем обида тьме, если ее назовут тьмой? Я просто говорю правду. Ложь сотворил Лодар, так почему же я не могу назвать его лжецом?

После этого воцарилась тишина. Видимо, старцы обдумывали высказанную идею. Сам я лишь лениво подумал, что некая правда в словах Бедоира всё-таки есть, но слишком углубляться в эти мысли я не желал.

– Мы отошли от темы, – медленно проговорил Манопус. Его голос тоже было крайне легко узнать – в отличие от других, он разговаривал медленно, словно растягивая слова. Мне кажется, он вообще не местный. – Давайте вернемся к тому, что мы будем делать с нашим неоднозначным… гостем.

– Лично я за то, чтобы закрыть его в той комнате и забыть, – выдвинул явно нерадостное для меня предложение Бедоир. Думаю, не ошибусь, если говорят обо мне. Хотя, кто знает, может, у них тут еще есть гости. – Он вообще человек? – задал он вопрос. – Как можно жить, питаясь таким малым количеством еды. Я вот…

– Зря вы так, – прервал его, судя по дребезжанию в голосе, Ллвид. – В писании говорится, что не стоит увлекаться простой пищей, ибо она пробуждает жадность и ненасытность. Необходимо строго ограничивать себя, не балуя тело смертное.

– Знаю я, что говорится в писании, – раздраженно отмахнулся Бедоир. – И что вы хотите этим мне сказать? Что он воздухом питается, что ли? Это невозможно!

– Некоторые умудренные годами святые старцы, – снова заговорил Ллвид, – способны насыщать свое тело силой, не употребляя обычную пищу.

– Святые старцы, – противно протянул Бедоир. – На то они и старцы, а он мальчишка! – вскрикнул он. – Обычный мальчишка-жрец. Он ввел всех нас в заблуждение, с помощью силы Лодара сменив цвет своего одеяния.

– Никакие силы на это не способны, – возразил Манопус.

– А вы неужто так близко знакомы с силами Лодара? – слегка ехидно поинтересовался Бедоир. – Нет? Я так и думал. Никто из нас доподлинно не знает, на что способны эти дети тьмы. Они могут говорить что угодно, врать, изворачиваться, как змеи, считая, что тем самым угождают богу своему. Я уверен, что Лодару такое по нраву, но это означает, что жрецам веры нет.

В комнате снова воцарилась тишина. Я уже понимал, какое именно решение примут старики. Бедоир говорил вполне убедительно. На их месте я бы и сам заподозрил нечто подобное.

– Я общался с ним более других и могу с уверенностью сказать, что нет в этом юноше тьмы.

Я так понимаю, что своей свободой я до сих пор обязан именно Абелайо.

– В вас слишком много света, Абелайо. Настолько, что он слепит и вас, заставляя закрывать глаза на очевидные факты.

– А в вас бурлит тьма и ненависть, – парировал Абелайо. – Вы кипите ею. Этот юноша пробыл в отдельной части достаточно, чтобы все мы смогли понаблюдать за ним и сделать выводы.

– Я и сделал, – огрызнулся Бедоир. – Он лживый жрец, который притворяется светлым, чтобы спасти свою жизнь.

Ну, не так уж и не прав был Бедоир. Конечно, я не жрец, но одежды в черный цвет не перекрашиваю именно потому, что мне нужно было задержаться в святилище.

– Я за то, чтобы отпустить этого юношу и не очернять свои души смертью невинного человека, – настаивал Абелайо.

– Я за комнату, – фыркнул Бедоир. – Ему там самое место.

– Думаю, – протянул Манопус, – что не стоит вдаваться в крайности. Мы можем последить за ним еще немного. Он ведь прочел все книги? Тогда можно дать еще немного. Старые легенды, сказания, что-нибудь совсем незначительное.

– А смысл? – Бедоир явно начал закипать. – Он проглотит и их, и что дальше? Сколько мы будем отвлекаться на него? Сколько нам еще делать вид, что его пребывание здесь нас никак не волнует? Нет, давайте решать сейчас.

– Всегда можно отпустить…

– Но!.. – вскинулся Бедоир.

– Дайте мне договорить, – перебил его Ллвид недовольным голосом. – Я говорю о том, что его можно отпустить, но при этом проследить. Если он лжет, то через какое-то время сменит цвет одеяния, повинуясь своей природе. Вот тогда его можно будет снова схватить и закрыть в комнате.

– Глупости, – хмыкнул Бедоир, которого явно не устраивал такой вариант. – Лишняя трата времени. Отпускать, следить, потом вести обратно.

– Мы – свет. Не забывай об этом, Бедоир, – продребезжал строго Ллвид. – Мы должны опираться на справедливость и действовать согласно ей, не обращая внимания на неудобства или собственную лень. Абелайо прав, в вас слишком много тьмы. Мы все ощущаем ее, вам надо с этим что-то сделать, дорогой Бедоир.

Интересно, что именно должен сделать Бедоир, чтобы избавить от так называемой тьмы. Как по мне, так он просто сам по себе такой, причем сейчас еще и отчего-то сильно раздражен.

– Конечно, я постараюсь что-нибудь с этим сделать, – между тем ответил Бедоир. Мне кажется, я даже услышал скрип зубов. – Но кого мы пошлем следить? Если он жрец, то любого из нас с легкостью заметит, как бы мы ни скрывались.

– Заметит белого мага в лесу? – удивленно проскрежетал Ллвид. – Бедоир, о чем вы говорите? Черные жрецы не способны на такое.

– А еще они не умеют сами перекрашивать свои одеяния, – ехидно напомнил тот, кто явно желал мне смерти. И чем я ему так насолил?

– Хм, – задумчиво промычал Ллвид. – Вы правы. Если цвет своего одеяния он изменил самостоятельно, то мы не можем быть полностью уверенными, что у него нет никаких иных сил.

Снова тишина.

– Так что решим? – спросил нетерпеливо Бедоир. – Можно посадить его в комнату и подержать немного дольше. Если не погибнет и в этот раз, значит, он на самом деле находится под дланью Хокана. Тогда мы сможем его спокойно отпустить.

– Хорошо, – сказал Ллвид, явно не слишком охотно. – Пусть будет так.

В этот момент звук будто бы отдалился, а я ощутил себя так, словно вывалился из какой-то черной дыры. Хотелось поразмыслить, что это такое сейчас было и как у меня получилось, но я решил, что этим можно заняться немного позже. После того, как я покину это переставшее быть гостеприимным место.

Глава 3

В коридоре было тихо и светло. Такая атмосфера за последние месяцы стала для меня уже привычной. Нужно было решить, в какую сторону идти. Слева коридор упирался в столовую, справа в библиотеку. Создавалось полное впечатление, что выхода отсюда вообще нет. Конечно, меня всегда интересовал выход, поэтому я старательно осматривался все это время, но ни дверей, ни окон так и не заметил. Вот только такого просто быть не могло, ведь старики как-то сюда заходили, значит, вход где-то есть. Я даже примерно представляю, где именно.

Повернув налево, быстрым шагом направился в столовую. Войдя внутрь, огляделся. Сейчас здесь стояла тишина. Хмыкнув, подошел к одной из стен и принялся раздвигать лианы. Те поддавались неохотно, стремясь снова закрыть обзор, при этом они действовали так, словно были чем-то живым. Нет, они не нападали, просто постоянно возвращались на место, шевелясь и извиваясь.

Можно было бы просто воплотить нож и разрезать, вот только кто знает, что тогда сделают эти растения. Быть связанным лианами мне совершенно не хотелось. Хорошо, если они просто постараются удержать, а то ведь могут и попытаться убить.

Раздвигая тонкие и гибкие стебли, я подавлял в себе исследовательский интерес. Мне хотелось знать, что это такое. Сами ли по себе эти растения шевелятся, или это результат магии друидов?

Через некоторое время мне всё-таки удалось отыскать небольшое углубление в стене. Проверив всё еще раз, я ухватился за углубление пальцами и с силой потянул дверь в сторону. Она не открывалась привычным для меня образом, а именно сдвигалась в сторону, как в старых японских домах.

Лианам это не понравилось – они тревожно зашевелились.

Недолго думая, я проскользнул внутрь, а потом оглянулся, наблюдая, как лианы с обеих сторон стремительно закрывают собой проход. Вскоре на том месте стена была полностью увита тонкими и гибкими стеблями.

Отвернувшись, внимательно осмотрелся. Очередной коридор. Вот только здесь лианы не замирали неподвижно, а медленно шевелились, словно переползая постоянно с места на место. Выглядело слегка жутковато. Если не присматриваться, то может показаться, будто это копошатся какие-то ленивые черви, обросшие местами листвой.

Внимательно смотря под ноги, чтобы не наступить на какой-нибудь отросток, я двинулся вперед. Коридор не вывел меня к выходу, как того хотелось. Вместо него я добрался до склада с продуктами.

Итак, куда дальше?

Мешки с зерном или бочки, наполненные льдом и мясом, меня мало волновали. Хотя около бочек я ненадолго остановился. Мне было интересно, как это лед в них не тает. В комнате температура была вполне себе нормальная. Покрутившись около одной, отыскал выжженные на дереве знаки, похожие на те, что я видел на посохах. Не думаю, что я сильно ошибусь, если предположу, что все дело как раз в этих знаках. Жаль, но времени разбираться со всем этим больше не было.

Оставив бочки в покое, обратил все свое внимание на стены. Если выхода нет, значит, придется возвращаться сначала в коридор, искать дверь там, а потом и в столовую. Этого мне совсем не хотелось.

Спустя пару минут я довольно ухмыльнулся. Возвращаться не придется. Дверь в стене практически не было видно, настолько сильно она с ней сливалась, но тот, кто ищет, обязательно найдет. Оттащив мешки в сторону, внимательно оглядел и ощупал дверь. Ручки не было, поэтому просто толкнул ее, но ничего не произошло.

Прищурившись, еще раз всё внимательно осмотрел, но, видимо, дверь была заперта снаружи. Оглянувшись, поджал губы. Возвращаться не хотелось, как и

шуметь, но, судя по всему, придется. Вытянув руку перед собой, представил, что я держу топор. Это было похоже на то, словно клетки моей кожи начали стремительно делиться, отчего очень быстро образовалась лишняя масса. Из-за притяжения она должна была свисать вниз, но этого не происходило – из массы образовывался самый настоящий топор, лежащий на моей руке. Вскоре он перестал быть похожим на кожаное изделие – рукоять стала деревянной, а голова топора металлической.

Не выпуская его из рук, я размахнулся и что есть силы ударил. Потом еще раз, и еще. Судя по всему, дверь не была слишком толстой. Наделав как можно больше щелей, изменил топор на кувалду и вскоре полностью раскурочил всю дверь.

Ради интереса в самом конце отпустил кувалду, дав ей упасть на пол, а потом понаблюдал, как она засверкала, почти мгновенно рассыпавшись искрами, которые моментально облепили мою руку и впитались. Всё-таки это до сих пор меня изумляет.

Покачав головой, пролез через дыру, пару раз зацепившись плащом за торчащие деревяшки. Оказавшись по ту сторону, осмотрел дверь. Как я и думал, здесь висел замок. Плохо, конечно, но починить дверь я никак не могу, а значит, маги сразу поймут, в какую именно сторону я пошел.

Пожав плечами (всё равно ничего не изменить), внимательно огляделся. В отличие от других коридоров, тут царила темнота. На стене я заметил держатель для факела, но его самого не было. Пошарив рядом, отыскал в небольшом углублении огниво. Растений здесь тоже не наблюдалось. Неужели именно они генерировали свет? Вроде выглядели вполне обычными.

И как мне передвигаться в темноте?

Вернувшись на склад, торопливо огляделся. Надежды на то, что здесь будут факелы, не было, но я все равно принялся заглядывать во все ящики и мешки. Через некоторое время отыскал глиняную бутылку с маслом и старую, почти расползшуюся половую тряпку, кем-то забытую здесь. Отодрав деревяшку от двери, обмотал ее тряпкой и облил маслом. Убедившись, что прямо сейчас самодельный факел не вспыхнет свечой и не сгорит моментально, я вошел в коридор. Огляделся более внимательно. А ведь это не простой темный тоннель. Это пещера, к тому же нерукотворная, но облагороженная людьми.

Оставаться на месте точно не стоило, поэтому я поторопился дальше. Судя по наклону, пещера опускалась вниз. Тишину разбивали лишь мои шаги, дыхание и треск огня. Иногда я останавливался и прислушивался, опасаясь, что за мной может быть погоня. Но всё было по-прежнему тихо.

Естественно, меня интересовало, куда ведет этот каменный тоннель, но об этом я мог узнать, лишь дойдя до конца. Пока было время, я размышлял о том, что со мной не так давно произошло.

Я каким-то образом во время самой обычной, давно уже привычной медитации умудрился подслушать людей, которые находились далеко от меня. Я даже не представляю, насколько далеко. Не думаю, что они сидели в соседней комнате, иначе точно бы услышали, как я выходил.

Это вполне может быть мой дар, только несколько измененный. Раньше, с помощью своих нитей, я мог прочесть человека на расстоянии. Его мысли, воспоминания представали передо мной вроде коротких роликов, окрашенных в разные тона. Здесь же все явно было совсем не так. Я не копался в чужой голове, я даже не видел никого из них, просто слышал, будто подкинул в комнату со стариками «жучок» и подслушивал их с помощью аппаратуры, которая передавала звучание прямо мне в голову. И это более чем странно.

Почему именно так? Почему сейчас, а не раньше или позже? Почему именно этот разговор? Да, он нес в себе опасность для меня, но я ведь не мог знать об этом, когда настраивался на волну. К тому же я не мог подгадать нужный момент. Во время медитации я даже не думал о них. Просто в один конкретный момент у меня в голове включилось что-то. Само по себе, словно… кто-то другой позволил мне услышать этот разговор, провел между мной и той комнатой невидимые кабели.

Проще поверить в то, что это мой собственный дар трансформировался в нечто кардинальное новое, чем в то, что некто озаботился моей судьбой и помог.

Если взять за правду первое, то, как может работать старая-новая способность? Допустим, мысли я до сих пор считываю, но не осознаю этого. Подсознание записывает и запоминает все, что человек видит и слышит, но на что не обращает внимания. Например, находясь в толпе, мы видим множество лиц, но сами их не запоминаем, зато в подсознании они сохраняются. Встречая

совершенно незнакомого нам человека через некоторое время, мы можем испытывать ощущение, словно где-то его уже встречали. Вполне возможно, что этот человек был в той самой толпе, а может, проходил мимо вас лет пять назад по улице или же раздавал какие-нибудь листовки прошлым летом около торгового центра. Вы лично его не запомнили, а подсознание сохранило.

Итак, я мог неосознанно считывать мысли стариков, в моем подсознании все это откладывалось, поэтому оно отслеживало их даже на расстоянии. В момент, когда начался опасный для меня разговор, дар развернулся, давая мне возможность не просто записать разговор на подкорку, а услышать его. Простая самозащита.

Все это вполне возможно, при условии, что моя способность считывать мысли людей на большом расстоянии сохранилась, просто из-за перемещения слегка изменилась и на время стала неактивна. Несмотря на все сложности, всё это весьма правдоподобно.

Хорошо, допустим, что мой дар полностью пропал, а услышать разговор мне позволил некто посторонний. Сразу же возникает несколько закономерных вопросов: кто, зачем, каким образом, почему я, почему именно сейчас и так далее.

Нет, это совершенно невозможно. Чтобы такое провернуть, нужно обладать определенной силой. О моем пребывании в этом мире никто толком не знал. Те разбойники? Я не заметил среди них никого одаренного магией. Маги? А им зачем? Это мог быть Абелайо, но даже он, как мне кажется, не настолько ко мне привязался, чтобы пытаться спасти от предполагаемой смерти.

Ладно, допустим, что это он. Не буду размышлять на тему, зачем ему это, попробую понять, как он мог такое сделать. К сожалению, я совсем не знаю, на что способна магия друидов. Вполне возможно, что он оставил в моей комнате какой-нибудь символ, который в определенный момент включился, как бы соединяя меня с той комнатой. Кроме этого, он мог подключить растения. Мало ли, вдруг существует какая-нибудь пыльца, способная передавать звук. Или еще что-нибудь подобное. Всё это звучит несколько фантастически даже для меня.

Нет, все-таки я больше склоняюсь к тому, что это сработал мой собственный дар. Вот только почему у меня такое ощущение, что верно всё-таки второе? В любом

случае рано или поздно я всё узнаю, так что нечего тут и думать. Но попробовать повторить можно. Мало ли.

Вскоре коридор резко вильнул, и я уперся в тупик, вернее, это был завал. Оглядев все внимательно, решил, что преграда образовалась здесь не естественным путем.

Воткнув между двух камней факел, я уселся на пол напротив завала и принялся думать, что делать дальше. В принципе, других вариантов, кроме как возвращаться, вроде и не было, но идти обратно мне совершенно не хотелось.

Разобрать завал? Кто знает, на какое расстояние он тянется и сколько у меня есть времени. Маги могли и проигнорировать мой уход по-английски, но что-то мне подсказывает: просто так они это не оставят и отправятся за мной сразу же, как узнают. Если они умеют каким-то образом общаться с растениями, то вполне возможно, что им не придется долго искать, в какую именно сторону я ушел.

Есть еще вариант со сражением, но драться с неизвестным противником, силы которого не изучены, совсем не хотелось. Хотя, вполне возможно, что столкновение неизбежно.

И всё-таки что-то тянуло вперед. И меня крайне раздражала эта преграда. Встав, решительно принялся разбирать завал, отбрасывая камни себе за спину. Камни были небольшими, явно принесенными сюда людьми. Минут через пятнадцать я замер, вслушиваясь. К этому времени позади меня образовалась внушительная куча камней.

Медленно опустившись на пол, прикрыл глаза и весь обратился в слух, задерживая дыхание. Через пару мгновений мне показалось, что я могу услышать, как шелестит ветер на поверхности, но конечно же это было не так. Просто воображение и только. Зато я отчетливо услышал где-то вдалеке тихие шаги и легкие стуки. Почти сразу понял, что это посохи.

Итак, назад вернуться я уже не могу, вперед пройти тоже. Остается только сражаться. К моему удивлению, я не испытывал страха или волнения, так, легкий интерес. Всё-таки в бою маги должны будут показать свою магию. Мне оставалось только подождать и увидеть все самому.

Медленно открыв глаза, я замер, смотря на трепещущее пламя. Оно вело себя беспокойно, а значит, сквозняк всё-таки был. Переведя взгляд на камни, поглядел на щели между камнями. Всё-таки складывали их хоть и аккуратно, но не впритирку друг к другу.

Подняв руку, посмотрел на нее, пытаясь уловить мысль, которая только что скользнула в голове. Если так подумать, то я нематериален. У меня вообще, если бы не силестин, не было бы тела. А если у меня нет физического тела, значит, я вполне могу пройти сквозь любой предмет. Да? Пройти мне может не позволить как раз тот самый силестин. Что тут думать, нужно просто попробовать.

Направив все свое сознание на то, чтобы убрать силестин с руки, я с интересом смог понаблюдать за крайне занимательной картиной. Силестин не испарился – что уже хорошо, он вскипел, превращаясь в серебристую, похожую на ртуть массу, а потом поднялся вверх, оголяя часть меня.

Пошевелив почти прозрачными, дымчатыми пальцами, осторожно прикоснулся другой рукой к оголенному участку. Ощущения были странными. Я вдруг понял, что совсем не хочу остаться без защиты. Рука сейчас казалась мне лишенной кожи, даже воздух вокруг ощущался словно бы по-иному.

Закончив с осмотром, прислушался. Шаги звучали намного ближе. Не представляю, как я слышу их. Возможно, это особенность этого места или же у меня внезапно улучшился слух, в чем я сильно сомневаюсь.

Встав, сосредоточился, а потом шагнул вперед, старательно удерживая картинку того, что силестин должен остаться на месте. Не знаю, как это выглядело со стороны, но, должно быть, впечатляюще. Оглядев себя, повернулся, ожидая увидеть что угодно, вплоть до моего двойника. В полуметре от меня висел ртутный шар, находящийся постоянно в изменении. Время от времени он словно трескался, и тогда можно было увидеть светло-голубое сияние, но в следующий момент поверхность шара снова шла волнами и все пропадало.

От шара ко мне тянулась тонкая нить, и что-то подсказывало мне, что тянуть слишком долго нельзя.

Повернувшись к завалу, сделал несколько шагов. Сначала мне показалось, что ничего не получится, я даже руки вперед выставил, но к моему удивлению они спокойно прошли сквозь камень. Выглядело весьма жутковато. Не став долго рассматривать и раздумывать, я зашагал вперед. Стоило мне только войти в камень полностью, как появились какие-то необычные звуки, а тело все слегка сдавило со всех сторон, но не критично. Чем-то это напоминало погружение под воду.

Вскоре я понял, что именно шагать мне не требуется. Я могу просто двигаться в нужную мне сторону без каких-либо движений и усилий, просто желая этого.

Минуты через две я оказался по ту сторону завала. Прежде чем оглядываться по сторонам, я повернулся, беспокоясь о своем силестине. Стоило мне только подумать об этом, как изо всех щелей между камнями показались сверкающие искры, которые тонкими ручейками устремились ко мне.

Спустя еще минуту я выдохнул, ощущая ногами камень. Подавив в себе желание передернуть плечами, решил, что слишком часто проделывать подобное не стану. Ходить без силестиновой защиты оказалось не сказать чтобы неприятно, но слишком уж неуютно. Наверное, это просто привычка.

Удостоверившись, что с моим телом все в порядке, сменил цвет одежды с белого на коричневый. Хотел на черный, но потом передумал. Раз в этом мире все настолько чувствительно относятся к этому цвету, то нервировать людей не стоит. Вряд ли, конечно, я кого-нибудь встречу под землей, но мало ли.

Повернувшись, огляделся. Факел для этого мне больше был не нужен. И нет, не потому, что мое зрение как-то изменилось и я вдруг начал видеть в темноте. Просто в пещере, в которой я оказался, потолок и стены буквально светились каким-то не слишком приятным голубовато-зеленым светом.

Подойдя к стене, с любопытством оглядел мох, похожий то ли на кораллы, то ли мелкие грибы. Сам мох не светился, а вот легкий туман вокруг него – да. Пыльца? Какие-то испарения? Так сразу и не поймешь. Руками мох трогать не стал, подхватил камень и попробовал сковырнуть один. Неожиданно, но это оказалось не так-то просто. Мох явно был ближе к кораллам, чем к растениям.

Отбив один, некоторое время понаблюдал за ним. Кусок мха даже не думал угасать, продолжая слегка светиться.

Оставив его в покое, принялся за дальнейший осмотр, а посмотреть было на что. Во-первых, пещера оказалась просто громадной. Во-вторых, прямо посередине виднелись какие-то развалины. И судя по всему, раньше тут было что-то более интересное, чем простая куча камней.

Походив немного, огибая громадные сталагмиты, похожие на клыки, я пришел к выводу, что раньше тут было какое-то поселение. Сейчас от него остались лишь развалины, но увидеть в них дома было не сложно. Судя по всему, кто-то когда-то зачем-то подземную деревню, можно сказать, даже небольшой город, полностью разрушил.

В одном месте нашел вырубленный в камне желоб. Думаю, сделан он был для воды. Прислушавшись, уловил вдалеке вполне узнаваемый шум. Пройдясь вдоль желоба, ориентируясь при этом еще и на звук, вышел к выдолбленному в камне проходу. Осмотрел его внимательно – судя по всему, сделан он был вручную. Неизвестным подземным жителям пришлось прорубать почти два метра камня, чтобы попасть к реке. И да, она здесь была. Текла себе по-прежнему.

Вернувшись в разрушенное поселение, решил поискать еще что-нибудь интересное. Правда, приступить к поискам не успел – интересное само меня нашло. Я как раз, стремясь к центру поселка, проходил мимо одного из сталагмитов, когда услышал странный звук. Резко развернувшись, едва успел отскочить в сторону и удержаться при этом на ногах.

На сталагмите вниз головой сидело нечто похожее на громадного паука, размером с хорошую дворнягу. С небольшой такой поправкой – паук в буквальном смысле слова состоял из костей. И что-то мне подсказывало, что не только череп, выполняющий функцию головы паука, был человеческим.

– Ты еще что такое? – пробормотал, воплощая в руке меч.

Паук повертел черепом, напоминая при этом собаку, а потом прыгнул в мою сторону. От неожиданности я вздрогнул, отшатнулся и махнул мечом. Я не представлял, как кости удерживаются рядом друг с другом, и надеялся, что одного удара хватит, чтобы эта нелепая конструкция, которая по какой-то

причине решила пожить своей собственной жизнью, развалилась. Но не тут-то было.

От удара паук всего лишь отлетел, стукнувшись о сталагмит. Рухнув на землю, он неподвижно полежал пару секунд, а потом резво расплел свои ноги и вскочил, прыжками приближаясь ко мне. При этом он угрожающе щелкал челюстью и сверкал голубовато-зеленым светом в глазницах.

Еще один удар, но на этот раз я не стал дожидаться, пока паук очухается, – стремительно приблизился и воткнул меч в череп, с трудом отрывая его от костяного тела. Паук странно задергался, заскреб лапами по камням, а потом затих. Свет в глазницах медленно погас. К своему удивлению, внутри я нашел те самые кораллы, которых с избытком можно было найти на стенах или потолке.

Наклонившись, чтобы поглядеть, как же кости всё-таки соединялись между собой, я замер, прислушиваясь. Со всех сторон слышался весьма знакомый легкий стук.

Медленно выпрямившись, огляделся, стискивая при этом меч сильнее. Со всех сторон на меня смотрели сотни светящихся паучьих глаз. Они были везде: на сталагмитах, сверху на развалинах, на полу, на камнях. Казалось, что вся поверхность превратилась в шевелящиеся белоснежные кости.

– Я просто мимо проходил, – сказал я, понимая, что никакого эффекта от моих слов и не будет.

Что за безумный мир? Маги, жрецы, шевелящиеся растения, странный мох, похожий на коралл, а теперь еще и самодвижущиеся костяные пауки. Что дальше? Зомби? Разговаривающие головы? Сами по себе двигающиеся руки?

Почему-то мне совершенно не хотелось, чтобы меня покусали эти пауки. Не знаю, смогут ли они причинить мне реальный вред, но укусы однозначно будут болезненными. К тому же все настолько странное нужно либо изучить, либо обойти стороной, не касаясь. Обойти у меня сейчас вряд ли получится, изучить тоже, значит, в ход пойдет третий вариант – прикончить.

Подумать об этом было куда как легче, чем сделать. Не скажу, что эти костяшки были слишком уж умными, но некое подобие разума у них всё-таки имелось.

Пробив очередной череп, резко вытащил меч и пнул голову паука, отчего та отделилась и улетела куда-то за камни. На рухнувшее на пол тело я не обратил никакого внимания, так как в этот самый момент на меня летела новая костяшка.

Увернувшись, смахнул голову еще одному подбирающемуся ко мне пауку, краем глаза замечая движение сбоку. Повернуться я никак не успевал – всё-таки пауков было слишком много. Когда нападения, которое ожидал справа, так и не произошло, я мельком глянул в ту сторону. Паук валял с пробитой головой, но что удивительно, я не помнил, когда успел прикончить его.

Вскоре я понял, что происходит. Силестин, повинуясь моему мимолетному, но горячему желанию, преобразовывался в острые шипы, на которые и накалывались нападающие пауки. Когда увидел первый раз, как это выглядит, захотел сделать нечто подобное осознанно (да, я понимаю, что силестин в любом случае действует только по моей воле, но все равно выглядело это так, будто у него есть свой разум), но в итоге меня едва не погрызли.

Плюнув, сосредоточился на пауках, решив, что экспериментировать буду позже, когда мне не нужно будет опасаться быть покусанным костяными челюстями.

Когда пауки неожиданно закончились, я еще пару минут тревожно оглядывался, ожидая в любой момент нападения, но всё было тихо. Выдохнув, выпрямился и огляделся. Все вокруг было буквально усыпано белоснежными костями. Смотрелось довольно пугающе. Я даже примерно не мог представить, сколько скелетов можно собрать из этих костей. Как по мне, так сотни две-три точно. Интересно, чьи они, эти кости? Понятно, что человеческие, но откуда? Домов в поселке явно намного меньше, чтобы вместить несколько сотен человек.

Подождав еще немного, убедился, что пауки не собираются снова вставать. Только после этого позволил мечу развоплотиться.

Прислушавшись к себе, осознал, что совершенно не устал. С одной стороны, это хорошо. А с другой – крайне подозрительно. Ничего не может работать просто так. Для этого обязательно что-то необходимо. Я не ем и не пью, значит, энергию мне вырабатывать не из чего. Да, я сам по себе энергия (впрочем, как и все вокруг), но даже так должно быть что-то, позволяющее мне существовать без всяких проблем. Вполне возможно, что я живу за счет внутренних ресурсов.

Об этом тоже нужно потом подумать, а пока…

Отойдя от паучьей поляны подальше, прислонился спиной к камню и вытянул руку перед собой, представив на ней шип. Мгновение – и он появился, вырос прямо посреди ладони. Потрогал острие кончиком пальца. Острый. Постучал по нему ногтем. Судя по всему, шип костяной. Представил, как он удлиняется, – шип тут же начал расти. В итоге он вытянулся, превратившись в белую, острую иглу. Медленно убрал его, а затем вытянул руку перед собой и пожелал, чтобы игла появилась мгновенно. Я даже не успел заметить, как все произошло – миг и игла воплотилась. Очень удобно. Всё-таки я весьма доволен своим новым телом. Все его возможности я пока не изучил, но уже сейчас понимал, что оно способно на очень многое.

Долго заниматься этим не стал, все еще помня о пауках. Мало ли кто здесь еще кроме них живет. Думаю, нужно скорее осматриваться и искать выход.

Методично осматривая все подозрительные и не очень места, я дошел до центра поселения. Пустое пространство напоминало обычную площадь, правда, не слишком большую. В середине я увидел похожий на громадную грязно-белую друзу камень. Подойдя ближе, присмотрелся внимательнее. Это действительно был какой-то кристалл, похожий на горный кварц. К тому же внутри него что-то было, какой-то предмет, весьма похожий на исписанный пергамент.

Обойдя камень по кругу, воплотил в руке кувалду, решив, что лист нужно достать и рассмотреть его поближе. Главное, не порвать. После первого удара кусок кристалла отвалился, а пол под ногами как-то подозрительно задрожал.

Замерев с кувалдой в руках, оглядел странно ведущий себя каменный пол. Он не был идеально ровным – создавалось впечатление, что под поверхностью что-то есть, какие-то канаты или трубы. До этого я даже не обращал на это внимания, мало ли что тут могло случиться, отчего камень во многих местах словно бы вздулся. Сейчас это уже не казалось мне столь незначительным. Особенно когда полы подо мной снова вздрогнули и начали подниматься.

Недолго думая, я постарался оказаться как можно дальше от странно ведущего себя пола. Отбежав в сторону, замер за одним из сталагмитов, внимательно следя за происходящим. А посмотреть было на что.

Казалось, что кто-то встает. Кто-то до этого погребенный под слоем камней. И был этот кто-то совсем немаленького размера.

Вскоре я смог убедиться, что мне совсем не показалось. Особенно когда камень осыпался, и я смог полюбоваться на громадную, сложенную из гостей морду неведомого мне существа. Больше всего оно напоминало динозавра. По крайней мере, голова и пасть были поистине гигантскими. И да, та самая друза торчала прямо на макушке, словно какой-то странный хохолок. В любой другой момент я бы даже посмеялся, но совершенно точно не сейчас.

Голова не была сама по себе. Очень скоро руины начали грохотать, осыпаться, а из-под земли вставать все остальное тело. И да, оно тоже полностью состояло из костей.

Не знаю, само все это так собралось или какой-то не слишком умный человек постарался, но когда существо встало на ноги и подняло морду вверх, заскрежетав, выглядело оно крайне внушительно.

Рекс замер. Сам я уже давно перестал даже дышать. Минута сменялась минутой, и ничего не происходило. Я даже подумал, что Рекс исчерпал энергию и в нем нет больше никакой жизни. Не представляю, откуда в простых костях жизнь. Надеюсь, тут нигде никакой некромант не бродит?

И что дальше? Не могу же я так вечно стоять. Нет, я-то вполне могу, но зачем?

Воплотив меч, глянул на него и сменил кувалдой. Против такого меч что та ковырялка. Шевельнувшись, хотел сделать шаг, как Рекс стремительно изменил положение, бросившись в мою сторону. Громадные челюсти сомкнулись на сталагмите, за которым я прятался. Я даже опешил, правда, это не помешало мне откатиться в сторону. Камень под костяными зубами разлетелся крошкой. Из чего у него зубы?! Из стали, что ли?

Размышлять долго мне никто не позволил – те самые зубы клацнули слишком уж близко, заставив меня как можно скорее отскакивать в сторону. Рекс для своего размера был просто непозволительно быстрым. При этом его совершенно не волновали ни камни, ни стены, ни сталагмиты. Камни он, не глядя на размер, спокойно отбрасывал костяными лапами. Стены Рекс пробивал лбом, состоящим из множества соединенных между собой плоских костей. Времени

приглядываться не было, но, кажется, это лопатки. Я думал, самая крепкая кость в человеке это большая бедренная, но Рекс доказал, что это не так. Сталагмиты он бесхитростно перекусывал, явно не беспокоясь об эмали на зубах. Я в его пасти мог спокойно поместиться целиком.

Я понятия не имел, что мне с ним делать. Все-таки с человеком как-то попроще – рубанул мечом по мякоти и нет человека. Даже с пауками получилось относительно легко. Это сейчас мне так кажется, когда им на смену пришел Рекс. А вот что делать с громадной грудой явно слишком прочных и отчего-то быстрых костей, я не знал.

Отделить голову от тела? Так шея у него выглядела, как труба, по которой из одной страны в другую качают газ. Такую дуру мечом не перерубишь. Пробить череп? Что-то мне подсказывало, что Рексу это будет как слону дробина.

Пока я лихорадочно размышлял, что делать, Рекс успел зацепить меня кончиком зуба. От боли у меня потемнело в глазах. На короткий миг мне показалось, что меня сунули в громадную мясорубку, в которой мое тело какой-то дорвавшийся садист с радостью несколько раз прокрутил.

Пошатнувшись, я тут же рухнул на пол, откатываясь. Рядом громыхнули зубы. Разозлившись, я вскочил на ноги и застыл. Рекс, как мне кажется, даже подпрыгнул от радости. А потом я наблюдал, как громадная челюсть приближается, а затем распахивается, приближаясь. Рекс наклонил голову, явно желая схватить меня целиком. Не представляю, зачем я ему. Чем он меня будет переваривать? Судя по тому, что я видел, у него нет никаких органов, просто ребра из костей, и все. Но самого Рекса, видимо, такие мелочи мало волновали.

За секунду до того, как челюсти сомкнулись, я со всем старанием представил себя круглым шипастым мячом. В это желание я вложил все свое раздражение из-за происходящего.

В мяч я не превратился, но тонкие металлические шипы в одно мгновение выросли по всему моему телу. Я ощутил сильное давление, но изменить положение уже не мог. После этого послышался противный скрежет, на голову посыпались мелкие косточки и костяные осколки. И только потом все затихло.

Я выдохнул. Когда убирал шипы сверху, то рядом со мной упал пробитый череп, внутри которого находился большой кусок светящегося мха. Судя по всему, мох рос прямо внутри – он торчал из глазниц и из приоткрытой челюсти. Не успел я толком рассмотреть его, как вся костяная конструкция как-то подозрительно заскрежетала. Этот звук прибавил мне ускорения. Я едва успел отбежать, как вся эта куча костей рухнула на пол. Грохот стоял тот еще.

Либо люди в этом поселении жили очень и очень долго, потому и собралось столько костей, либо здесь что-то произошло. А еще меня волновало то, как простому мху удается сотворить нечто подобное. То, что виноват именно он, у меня нет никаких сомнений. Возможно ли, что мох – живое существо? А ведь при входе отколол один от стены. Не месть ли это? Да нет, глупости.

Удостоверившись, что кости больше не встанут, я направился к кристаллу. Воплотив кувалду, принялся за то, что хотел сделать еще перед тем, как проснулся Рекс. Разрушать такой большой кристалл не хотелось, но что-то мне подсказывало, что мне нужна та вещь внутри. Вот просто катастрофически нужна. Я привык прислушиваться к своей интуиции и паранойе, которая, кстати, давно не поднимала голову. Надеюсь, она у меня не атрофировалась, ведь полезное же свойство.

Действуя крайне осторожно, я разбил кристалл. В нужном месте он просто сам раскололся надвое, позволяя мне аккуратно достать то, что мне надо. Казалось, в этом месте образовалось безвоздушное пустое место, благодаря которому пергамент и сохранился.

Бросив кувалду, я присел на корточки и принялся рассматривать заинтересовавший меня лист. Темный, по краям словно слегка обожженный. Текст на непонятном мне языке, нечто среднее между арабской вязью и египетской письменностью. На ощупь лист был гладким, чуть прохладным. Взяв его в руки, убедился, что он даже не думает рассыпаться. К тому же почти сразу обгоревшая часть сама по себе медленно восстановилась, чем меня слегка напрягла и удивила.

После этого пергамент странно потек, будто расплавленный пластилин. Горячим он не был, но я всё равно затряс рукой, пытаясь сбросить непонятную массу с себя. Только ничего у меня не вышло. Бывший пергамент сначала превратился в черный квадрат, исписанный желтыми значками, а потом снова сменил форму и обхватил мое запястье, превращаясь в широкий браслет, больше похожий на

наручи.

– Черт, – прошипел я, тряхнув рукой, но наручник даже не подумал куда-то исчезать.

«Наконец-то», – прозвучало с явным облегчением.

Я вздрогнул, на секунду замер, а потом принялся оглядываться по сторонам, но никого кроме меня тут не было. Шизофрения? Раздвоение личности? Ни то, ни другое меня совершенно не радовало.

– Это еще что такое? – пробормотал, тряхнув рукой. Наручи ни на сантиметр не сдвинулись. Я ухватился за край и потянул вниз, но безрезультатно.

«Успокойся. Он не снимется. По крайней мере, не сейчас», – снова громыхнуло в моей голове.

– Прекрасно, – резюмировал я. – Только этого мне и не хватало.

Вздохнув, я отошел к одной из уцелевших после буйства Рекса стене, сел на пол и прислонился к камню спиной, закрывая глаза. Кажется, мне надо немного отдохнуть. Или поспать. Да, думаю, поспать не помешало бы. И не важно, что сплю я тут не так, как положено. Главное, разгрузить уставшее сознание. Отлично, так и поступим.

Глава 4

«Не стоит делать вид, что ты меня не слышал».

Голос мужской, не слишком раздражающий, если бы ни одно «но». Он звучал в моей голове. И это меня совершенно не устраивало.

Резко открыв глаза, подтянул к себе ноги, схватил первый попавшийся камень. Рядом лежал крепкий на вид булыжник. Положил руку с наручем на него, а

потом треснул по нему камнем (по наручнику, не по булыжнику). Тот даже не подумал ломаться или сниматься.

«Может, поговорим?» – спросил голос, а я, воплотив в руке скальпель, принялся ковырять лишнюю деталь гардероба.

Наручник раздражал, но больше всего меня бесила собственная глупость. Какого черта я полез, куда меня не просили? Зачем надо было трогать нечто столь подозрительное? Почему я, вообще, не вышел из святилища друидов с какой-нибудь другой стороны?

«Это я тебя сюда привел», – признался голос, а я на мгновение замер.

Больше собственной глупости я не любил, когда за меня кто-то что-то решал.

– Зачем? – спросил, продолжая ковырять наручи.

«Мне надо было, чтобы все произошло так, как произошло», – спокойно ответил мне неизвестный.

– И кто ты? – задал я новый вопрос, раздраженно отбрасывая в сторону бесполезный скальпель – тот тут же рассыпался искрами и вернулся ко мне. – Что тебе надо?

Вдохнув и выдохнув, я постарался обуздать свое недовольство. Ладно, сам виноват, мне и расхлебывать.

– Ты какой-то разумный артефакт? – сделал я предположение, с прищуром рассматривая «украшение» на руке. Надо сказать, что наручи выглядели в принципе неплохо. Если бы не его чужеродность, то я вполне мог бы согласиться носить нечто подобное.

«Нет, – ответили мне. – Это сложно объяснить».

– А я никуда не тороплюсь, – фыркнул я, вставая. Как бы там ни было, но нужно все осмотреть до конца и найти уже отсюда выход. Не торчать же теперь в этом разрушенном поселке до старости. – Как тебе удалось привести меня сюда? Мне

казалось, что все решения я принимал самостоятельно. Рассказывай.

«Ты – да. А вот все остальные встреченные тобою люди – нет. И не только люди. Вспомни, как ты заметил, что в столовой есть дверь?»

Я недовольно прищурился. Тут и вспоминать было нечего. Когда однажды проходил мимо того места, то лиана слегка пошевелилась, приоткрывая мне вид на углубление. Я сразу тогда подумал, что это выход. Вот только считал, что все произошло по чистой случайности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zeschinskiy_vladimir/nayal-dav-e-uchenik-drevnego-strazha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити